

Иллюстрация: Саша Филатова для ОВД-Инфо

07.06.2022

Блокировки интернет-ресурсов как инструмент политической цензуры

Дата публикации: 7 июня 2022

English version: [Internet blocks as a tool of political censorship](#)

За последние десять лет блокировки стали одним из самых масштабных инструментов ограничения доступа к информации и свободы выражения мнения. Хотя первые законодательные изменения, расширяющие возможности блокировок и упрощающие эту процедуру, появились ещё в 2012 году, исследований и сообщений о ситуации до сих пор крайне мало, она долго не получала широкой общественной огласки вне узких правозащитных и экспертных кругов. Отсутствие надлежащей документации нарушений международных норм и стандартов прав человека лишь способствует текущему положению — де-факто полной интернет-цензуре по отношению к альтернативной информации.

Как неоднократно подчеркивалось различными экспертами и институтами, интернет является одной из ключевых технологий для быстрого и децентрализованного обмена информацией, где ответственность за содержание публикаций также распределена между разными элементами. Этим интернет принципиально отличается от традиционных медиа. Это, а также доступность технологий обычным пользователям сделали сеть главным средством выражения мнения в настоящее время. Тем не менее, власти разных стран, в том числе России, пытаются присвоить контроль над интернетом в пределах государственных границ — ограничивают использование зарубежных серверов, заставляют крупные IT-компании открывать офисы на территории страны, ставят на точках трансграничного обмена оборудование, которое перекрывает определенные источники информации и т. п.

В этом докладе мы рассматриваем блокировки интернет-ресурсов как инструмент политической цензуры, связанный, с одной стороны, с общей политикой запретов относительно свободы слова в России, а с другой — с сетевыми технологиями, которые принципиально отличаются от традиционных медиа. Мы рассматриваем онлайн-цензуру в ее динамике: текущую ситуацию войны и связанные с ней радикальные меры по ограничению свободы слова в России мы сравниваем с ситуацией на начало 2022 года, когда все основные инструменты онлайн-цензуры уже сложились, а также прослеживаем историю формирования законодательных инструментов и правоприменительной практики последних десяти лет.

Доклад основан на следующих источниках:

- Законодательство Российской Федерации, затрагивающее свободу слова в интернете (законы «Об информации», «О защите детей от вредной информации», «О СМИ», «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека» и другие);
- Документы Роскомнадзора (отчеты о деятельности, пресс-релизы и т. п.);
- Европейская конвенция по правам человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и другие международные документы;
- Практика Европейского суда по правам человека, мнения Венецианской Комиссии;
- Документы Комитета ООН по правам человека, Совета ООН по правам человека, специальных докладчиков ООН, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Европейского Союза Организации американских государств, Африканской комиссии по правам человека и народов, Межамериканской комиссии по правам человека и других международных организаций;
- Доклад ОВД-Инфо «Нет войне. Как российские власти борются с антивоенными протестами» и другие материалы и данные ОВД-Инфо;
- Доклады российских и международных НКО о свободе слова и блокировках, другие документы и заявления (проект «Неправомерный антиэкстремизм» центра «Сова», проект «Сетевые свободы» международной правозащитной организации «Агора», а также Human Rights Watch, Amnesty International, Civil Rights Defenders, Reporters Without Borders, Accessnow, CIVICUS, Article 19, Freedom House и Censored Planet и другие);

- Данные проекта «Роскомсвобода» (реестр заблокированных ресурсов, новости, экспертные комментарии);
- Публикации Центра защиты прав СМИ;
- Публикации в СМИ (РБК, Сnews.ru, раздел новостей сайта ОВД-Инфо);
- Организованный ОВД-Инфо закрытый круглый стол с участием экспертов из проектов «Сова», «РосКомСвобода», «Сетевые свободы» и «Центр защиты прав СМИ».

Блокировки интернет-ресурсов в России

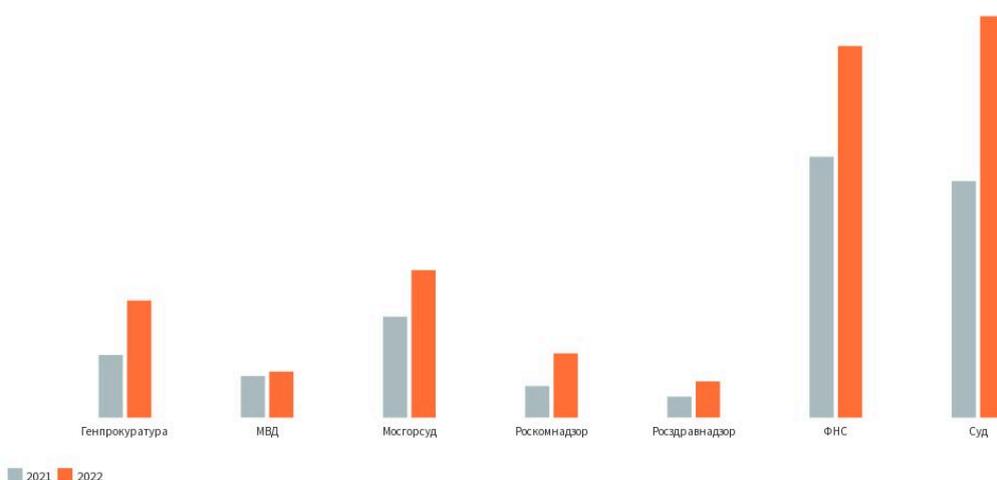
Одной из главных и очевидных проблем блокировок ресурсов в России являются их постоянно растущие масштабы. Они не всегда были связаны с цензурой именно политической, однако серьёзно влияли на общую возможность выражения мнения и на развитие гражданского общества. Тенденция отлично прослеживается по росту количества заблокированных ресурсов, а также оснований для таких блокировок. Так, по данным проекта «Роскомсвобода», в 2012 году был заблокирован **261** ресурс, а в 2021 году — **63 554** ресурса по требованию суда и еще **8421** — по требованию Роскомнадзора.

По данным проекта «Сетевые свободы», в 2021 году насчитывалось более **450 тысяч** конкретных случаев вмешательства в свободу интернета в России (большинство из них — блокировки) и более **90** общих инициатив по ограничениям и запретам в интернете. Этих цифр достаточно, чтобы понять, что блокировки — это массовая мера, показатели которой постоянно росли начиная с 2012 года и до 24 февраля 2022 года, когда лавина блокировок фактически уничтожила прямой доступ из России к негосударственным общественно-

политическим СМИ. Причем, в тенденции последних лет входит не только рост количества блокировок, но и криминализация онлайн-активности, как пишет проект «Сетевые свободы» в докладе о свободах в интернете за 2020 год. Пользователи все чаще получают штрафы и тюремные сроки за свои тексты, перепосты чужих материалов и даже лайки.

Ситуация лишь ухудшилась с началом войны. С 24 февраля по 5 мая, по данным «Роскомсвободы», цензуре, связанной с публикациями о войне, подверглись более **3000 сайтов** (важно, что в эту статистику не входят блокировки на других основаниях). Были внесены новые законопроекты и приняты законы, ограничивающие свободу слова как для СМИ, так и для граждан; многие СМИ были заблокированы и распущены; соцсети подвергались «замедлению» или объявлялись «экстремистскими» и запрещались. По данным Роскомнадзора, были также заблокированы около **120 тысяч** ресурсов, среди которых РКН якобы обнаружил не только «фейки», но и сайты с «украинской националистической пропагандой с суммарной аудиторией свыше 202 миллионов пользователей».

Количество блокировок с 24 февраля до 26 мая 2022 года увеличилось по сравнению с тем же периодом 2021 года

Источник: Роскомсвобод - По данным на 30 мая 2022

Согласно списку заблокированных ресурсов «Роскомсвободы», количество блокировок с 24 февраля до 26 мая 2022 года увеличилось почти по всем ведомствам по сравнению с тем же периодом 2021 года. В частности, большой рост приходится на блокировки по решению Генпрокуратуры, то есть, как правило, связанные с ограничением политических свобод.

Государственная информационная политика всё еще формально ссылается на законодательство, однако спектр принятых за последние годы законов позволяет заблокировать практически любую страницу, сайт или СМИ. Последние внесенные в Госдуму поправки, если они будут приняты, позволят Роскомнадзору делать это без решения суда, только по требованию Генпрокуратуры — то есть молниеносно.

Блокировки — возможно, не самый болезненный способ ущемления свобод, но однозначно наиболее массовый. По словам экспертов нашего круглого стола, а также согласно результатам исследования наиболее заметных случаев блокировок за последние два года, собственно политическими можно считать запреты на «призывы к участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка», на публикацию материалов «нежелательных организаций», а после начала войны — и на публикацию «недостоверной общественно значимой информации» (см. подробнее в главе «Блокировки и гражданские свободы»). Большинство других обоснований, перечисленных в законе «Об информации», может использоваться как для запрета детской порнографии или продажи наркотиков, так и для политических репрессий. По мнению экспертов, блокировки по решению Генпрокуратуры (в частности, по статье 15.3 Закона «Об информации») чаще являются ограничением

политических свобод, чем блокировки на других основаниях — таких, как нелегальная продажа алкоголя или документов, информация о наркотических средствах, публикации о суициде или порнография с участием несовершеннолетних. Вот как описывает эти механизмы юрист и правовой аналитик группы «Агора» Дамир Гайнутдинов: *«В принципе, все прокурорские блокировки — это сначала блокировка, а уже потом уведомление и возможность выйти из Единого реестра доменных имен и разблокироваться. То есть, прокуроры занимаются самыми общественно опасными и важными вещами. Там, где речь идет о наркотиках, суициде, порнографии и тому подобном, сначала уведомляют владельца ресурса, потом ждут сутки, пока он удалит запрещенную информацию, а уже потом вносят сайт в Реестр, если она не удалена. А если ресурс блокируют прокуроры, то предусмотрено незамедлительное внесение в Реестр и незамедлительная блокировка, и только после этого следует уведомление владельца ресурса. Тематика у прокуроров — призывы к протестам, „фейковые“ новости и так далее».*

Блокировки публикаций институтов политической оппозиции (а не отдельных страниц или сайтов) являются, как правило, результатом централизованных политических решений. В этом случае запреты связаны не с содержанием конкретных публикаций, а с их принадлежностью к какой-либо репрессированной институции — ФБК, «Открытой России», «Команде 29», «Проекту» и др. Такие блокировки всегда сопровождаются другими ограничениями, вплоть до уголовных дел. Галина Арапова («Центр защиты прав СМИ») приводит в пример понимание термина «зеркало», которое используют российские суды и Генпрокуратура: *«Правоохранительные органы и суды понимают „зеркала“ немного криво, — говорит Арапова, — Неважно, какой контент там лежит, но если у сайта есть связь с организацией, которую хотят*

заблокировать, то его считают „зеркалом“. Даже если он называется по-другому и контент на нем другой. Это дает возможность достаточно произвольного применения решения, которое было вынесено ранее по другому поводу и к другому контенту, в отношении новых сайтов».

С 2012 года российские власти создавали и развивали законодательную базу для возможности неограниченных блокировок — только в закон «Об информации» за последние два года было внесено **84** правки. Параллельно регуляторы (Роскомнадзор и другие) заказывали разработку технологий для автоматизированного контроля за распространением информации в интернете. Наконец, отработывались механизмы блокировок — судебных и внесудебных; отдельных страниц, целых сайтов и доменов; с возможностью разблокировки, «замедления» и полного делегирования доменов и т. п.

Если до 24 февраля 2022 года блокировки могли проходить по-разному — с уведомлением и без него, с возможностью удалить контент и сохранить доступ к ресурсу — то сразу после начала войны большая часть блокировок стала происходить немедленно и во внесудебном порядке, на основании статьи 15.3 Закона «Об информации».

ИНТЕРНЕТ И ЦЕНЗУРА

В феврале 2016 года тогдашний глава Роскомнадзора Александр Жаров **прокомментировал** частые обвинения в цензуре в адрес ведомства: *«Цензура предполагает просмотр статьи или другой информации еще до ее выхода в эфир или печать. А мы реагируем уже по факту. Поэтому никакой цензуры у нас нет».* Согласно Конституции РФ, которую также цитировал Жаров, цензура в России запрещена. Вопрос, однако, в том, как именно она определяется. В законе «О средствах массовой

информации» 1991 года ([статья 3](#)) дается следующее определение: «...требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей...».

«Требование... предварительно согласовывать сообщения» отсылает к советской системе цензуры и, соответственно, к традиционной прессе — телевидению, радио и газетам. Этот алгоритм технически неосуществим в случае публикаций в интернете: доступ к нему демократичен, а тотальный контроль содержания сообщений до их публикации невозможен. Однако вторая часть определения из той же статьи, а именно «наложение запрета на распространение сообщений и материалов», может быть понята как отдельный вид цензуры, к которому непосредственно относятся блокировки интернет-ресурсов. В 2010 году Верховный Суд [выпустил](#) постановление «О практике применения судами закона Российской Федерации „Об информации“», в котором дал определить письменные предупреждения, а также наложение судом запрета на производство и выпуск СМИ как «не цензуру». Согласно постановлению, такие запреты «установлены федеральными законами в целях недопущения злоупотребления свободой массовой информации». Таким образом, согласно определениям, данным в Конституции, можно сказать, что в России существует систематическая цензура, которую осуществляет власть и которой она не признается.

Не называя собственные действия «цензурой», государство, тем не менее, использует этот термин для определения политики глобальных интернет-площадок,

ограничивающих доступ к официальным российским каналам и аккаунтам. Так, слово «цензурирование» появляется в пояснительной записке к законопроекту «О внесении изменений в Федеральный закон „О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации“» (принят в декабре 2020 под номером [481-ФЗ](#)):

«Так, с апреля 2020 года уполномоченные органы Российской Федерации фиксируют поступление жалоб от редакций средств массовой информации о фактах цензурирования их аккаунтов со стороны иностранных Интернет-площадок Twitter, Facebook и Youtube. Цензуре подверглись такие средства массовой информации как Russia Today, РИА Новости, Крым 24. Всего зафиксировано порядка 20 фактов дискриминации».

Речь здесь на самом деле идет не о государственной цензуре, а о политике коммерческих корпораций. Однако у неё есть специальное определение в законе «о цензуре»: *«...ограничения владельцем ресурса в сети „Интернет“ распространения пользователями... общественно значимой информации на территории Российской Федерации»,* если это *«нарушает право граждан Российской Федерации свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию».* В ответ на подобную «цензуру» Роскомнадзор блокирует иностранные интернет-площадки и соцсети.

Если в России понятие «цензура» используется только в отношении иностранных платформ, то в европейской и, шире, западной судебной практике оно встречается в контексте российской информационной политики. В деле [«ООО „Флавус“ и другие против России»](#), в рамках

которого ЕСПЧ в 2020 году принял решение о несоответствии российского закона «Об информации» и практики блокировок сразу двум статьям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, один из привлеченных экспертов в своем комментарии («интервенция третьей стороны») называет широкие блокировки сайтов «цифровой цензурой», или digital censorship. Однако это скорее исключение — в решениях самого суда по делам о блокировках в России термин «цензура» не используется.

Гораздо чаще этот термин встречается в международной правозащитной практике. Например, специальные докладчики по вопросам свободы выражения мнения в своих декларациях **называют «предварительной цензурой»** системы фильтрации интернет-контента, которые не подконтрольны конечным пользователям (с. 88). Международные правозащитные НКО и активисты в области защиты свободы слова понимают этот термин ещё шире и активно используют его в докладах о российской политике по отношению к интернету.

До вторжения России в Украину в мониторингах и докладах речь шла о рутинной практике Роскомнадзора. Так, термины «цензура», «онлайновая цензура», «цензура интернета» и др. появлялись в докладах Human Rights Watch **2017, 2020 и 2021** годов, а также в докладах **Freedom House** и **Censored Planet**. В частности, авторы Censored Planet **отмечали**, что на фоне роста киберцензуры по всему миру, «включая страны, которые считаются свободными», российский пример особенно примечателен: *«Страна, в которой когда-то цензура была очень слабой, оказалась в центре внимания из-за... постоянно растущего списка блокировок».*

Политика российских властей по отношению к интернету вступает в противоречие с его технологической сутью. Как отмечают авторы **доклада о российском регулировании**

интернета проекта Censored Planet, распределенность и децентрализованность сетей больше не является гарантией защиты свободы слова: *«Долгое время считалось, что масштабная цензура в децентрализованных сетях, таких как Россия, США, Индия и Великобритания, является непомерно сложной задачей, — пишут они. — Наше подробное исследование инфраструктуры цензуры в России показывает, что это не так».* По их мнению, «наивная» цензура уступила место передовым технологиям в тот момент, когда Роскомнадзор получил возможность центрального управления маршрутизацией трафика благодаря закону «о суверенном рунете» (см. главу «Суверенный рунет»).

С авторами доклада не согласны эксперты проекта «Роскомсвобода». Так, на закрытом круглом столе о блокировках интернет-ресурсов, проведенном ОВД-Инфо 8 февраля 2022 года, руководитель «Роскомсвободы» Артем Козлюк высказал отличную от Censored Planet позицию. *«Интернет специально был создан по таким протоколам, чтобы избежать лишних привязок и блокировок, — сказал Козлюк, — Чтобы каждый бит дошел в тот конец, в который он предназначен. Если стоят какие-то ограничения на пути этого бита, он все-таки будет пытаться достигнуть конечной точки. Онлайн цензура противоречит принципу устройства интернета. Да, будет борьба технологий, но запрещенная информация всегда будет распространяться — если не по одним, то по другим каналам».*

После 24 февраля, когда начались массовые блокировки СМИ, отдельных постов и аккаунтов активистов и правозащитников и были приняты новые статьи КоАП и УК, предусматривающие ответственность за «дискредитацию» и «недостоверную информацию» о российских вооруженных силах, многие эксперты и наблюдатели стали говорить о «военной цензуре». Так, в последнем **рейтинге свободы слова** авторы «Репортеров

без границ» отдельно обращают внимание на ситуацию в России, которая со 150-го места опустилась на 155-е: *«В России правительство взяло на себя полный контроль над новостями и информацией, введя масштабную военную цензуру, заблокировав средства массовой информации и преследуя неподчиняющихся журналистов, вынудив многих из них покинуть страну».*

Проект «Сетевые свободы» **создал карту** российских городов, где людей привлекли к ответственности по новой статье 20.3.3 КоАП, назвав ее «Картой военной цензуры». Так же описывает изменившуюся ситуацию проект «Роскомсвобода», **публикующий** данные о блокировках ресурсов за «фейки» о российской армии (на 5 мая 2022 года подобных блокировок было 3000).

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БЛОКИРОВКАХ

От поправок в закон «О защите детей от информации» до полной изоляции рунета

Формальные условия для начала блокировок интернет-ресурсов были созданы в 2012 году поправками в закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (**139-ФЗ**). Тогда в законодательство были введены определения терминов, связанных с интернетом («сайт», «страница», «доменное имя», «сетевой адрес», «провайдер хостинга», «владелец сайта»), появился **«Единый реестр»** и ответственное за него ведомство — Роскомнадзор. В 2012 году тематическое определение материалов, доступ к которым должен быть заблокирован по решению суда (статья 15.1, посвященная Реестру), сводилось к порнографии с участием несовершеннолетних, информации о способах

совершения суицида, а также об изготовлении или покупке наркотиков. Однако уже тогда был сформулирован и не относящийся к защите детей пункт: *«запрещенная к распространению в Российской Федерации информация — на основании вступившего в законную силу решения суда о признании информации запрещенной к распространению»*. То есть информация, признанная судом экстремистской и внесенная в Федеральный список экстремистских материалов.

Хотя речь шла о защите детей, что предполагало общественный консенсус, активисты и эксперты **высказывали тревогу** по поводу нового закона, который, по их мнению, может применяться для ограничения свободы слова. Кроме того, параллельно с этим законом был принят целый ряд других законов, ограничивающих политические свободы — от резкого **повышения штрафов** за участие в «несанкционированных митингах» до **закона об «иностранных агентах»**.

И действительно, после ряда поправок закон 149-ФЗ «Об информации» стал использоваться для блокировки широкого спектра ресурсов. Наиболее радикальные изменения были внесены в конце 2013 года «законом Лугового» (**398-ФЗ**). Тогда появилась статья 15.3, которая вводила внесудебные блокировки за «экстремизм», а именно, за *«информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка...»* Таким образом, запрет на распространение некоторых видов информации, который появился в целях защиты детей, постепенно превращался в мультиинструмент для ограничения свобод.

«Законом Лугового» был описан и механизм блокировок, включающий длинную цепочку: по запросу генпрокурора или его заместителей Роскомнадзор требует удаления

информации от оператора связи и уведомляет провайдера хостинга; оператор ограничивает доступ к ресурсу, а провайдер хостинга информирует владельца ресурса о требовании удалить информацию; после того, как информация удалена и об этом уведомлен Роскомнадзор, ведомство разрешает оператору связи разблокировать ресурс. При этом, законе не было четких указаний, что именно блокируется — страница, домен или IP. В результате по домену и IP часто блокировались и другие ресурсы, тематически не связанные с объектом блокировки и принадлежащие другим людям.

Сотрудники организаций и владельцы сайтов или и вовсе не получали никаких уведомлений, или получали письма от Роскомнадзора, где не указывалось, какая именно опубликованная на сайте информация противоречит закону. Более того, такая норма была изначально заложена в «законе Лугового», согласно которому генпрокурор не обязан информировать владельцев о причинах блокировки их сайтов.

По данным Информационно-аналитического центра «Сова», среди первых пятнадцати ресурсов, заблокированных по «закону Лугового» в 2014 году, рядом с исламистскими сайтами («Хунафа.инфо», «Вдагестан.ком», Daymond) находятся интернет-издания «Ежедневный журнал», «Каспаров.ру» и «Грани.ру», несколько сайтов с новостями о марше за федерализацию Сибири, статья «Обращение „Правого сектора“ к народам России», а также блог Алексея Навального и его 28 зеркал.

К 2021 году «закон Лугового» стал главным законодательным инструментом цензуры: так, например, формулировка «призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности» из статьи 15.3 позволила заблокировать по решению Генпрокуратуры сайты «Команды 29», несколько сайтов, поддерживаемых Михаилом Ходорковским («Открытые

медиа», «МБХ Медиа», «Правозащита Открытки», duma.vote), а также десятки сайтов, связанных с деятельностью Алексея Навального (канал [Любови Соболь](#) и «[Навальный LIVE](#)», [Геоργия Албугова](#), [Леонида Волкова](#) и [Владимира Милова](#), еще раньше, в 2018 — navalny.com).

В 2017 году законом о «СМИ-иноагентах» ([327-ФЗ](#)) были внесены изменения в закон «О средствах массовой информации» — в статье 6 появилось понятие «иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента». Тем же законом были внесены и очередные правки в закон «Об информации»: список оснований для внесудебных блокировок (статья 15.3) пополнился формулировкой *«информационные материалы иностранной или международной неправительственной организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации»* (закон о «нежелательных организациях» ([129-ФЗ](#)) был принят на два года раньше, в 2015-м). Под этим предлогом — материалы «нежелательной организации» — в 2021 году были [заблокированы](#) страницы с расследованиями «Проекта» и «[Открытых медиа](#)». Кроме того, в статье 15.3 также появилась следующая формулировка: *«сведения, позволяющие получить доступ к указанным информации или материалам»*. Какие именно сведения, в законе не уточнялось, и эксперты трактовали это как обычные гиперссылки. В [экспертном заключении Совета по правам человека](#) по поводу закона о «СМИ-иноагентах» директор Информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский отмечал, что подобная формулировка может привести к массовой блокировке любых страниц, сайтов, а также блогов и социальных сетей. СМИ, блогеры и рядовые пользователи социальных сетей в течение многих лет публиковали ссылки на материалы организаций, которые тогда не считались

«нежелательными». «Таким образом, — пишет Верховский, — введение этой нормы означает предоставление Генеральной прокуратуре почти неограниченной возможности заблокировать доступ к огромному количеству, возможно — к большинству, сайтов и блогов, по крайней мере — общественно-политической тематики. Но такие полномочия внесудебных санкций никак не могут считаться пропорциональными тем задачам, которые, согласно Пояснительной записке, призван решать законопроект».

В том же 2017 году, но на несколько месяцев раньше, были приняты и другие поправки в закон «Об информации» (276-ФЗ), введившие статью 15.8. В ней описывались «меры, направленные на противодействие использованию на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационных сетей и информационных ресурсов, посредством которых обеспечивается доступ к информационным ресурсам и информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен на территории Российской Федерации».

И пресса, и Роскомнадзор восприняли это как запрет использования VPN и анонимайзеров для обхода блокировок. Вскоре после публикации закона Роскомнадзор потребовал от компаний, предоставляющих возможность использования VPN и анонимайзеров, зарегистрироваться в системе ФГИС, которая обеспечивает доступ к реестру запрещенных интернет-ресурсов. Это позволяет отслеживать, вносят ли анонимайзеры адреса заблокированных сайтов в черный список.

Почти 10 лет законодательной деятельности ушли на изменения закона «Об информации», которые продолжали расширять список запрещенных видов информации, описывать и кодифицировать ответственных за ее публикацию и блокировку, а также ужесточали наказание за нарушение закона:

- В 2018 году законом 472-ФЗ в статью 15.1 (о реестре) был внесен еще один «детский» пункт — о «склонении несовершеннолетних в совершение противоправных действий». В 2021 году эта формулировка позволила СК возбудить уголовное дело против Леонида Волкова за **призывы к участию в «несанкционированных» митингах в поддержку Алексея Навального.**

- 18 марта 2019 года был принят закон **30-ФЗ**, вносящий поправки в закон «Об информации». Новая статья 15.1.1 называется *«Порядок ограничения доступа к информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ или органам, осуществляющим государственную власть в РФ»*. Фактически это стало расширением области применения «закона Лугового», так как механизм блокировки сайтов, страниц и блогов по этой статье не отличается от механизма блокировки «экстремистских» материалов: ограничение доступа происходит по требованию генпрокурора или его заместителей, а отвечает за него Роскомнадзор. «Центр защиты прав СМИ» **отмечает**, что эта формулировка чрезвычайно расплывчата и не дает понимания, что именно может быть сочтено «неприличной формой», а также что именно понимается под «органами власти». Так, например, в деле 2019 года об оскорблении губернатора Архангельской области Верховный суд разъяснил, что «органами власти считаются президент, Федеральное собрание (Госдума и Совет Федерации), правительство и суды. В субъектах Федерации к ним добавляются региональные органы власти — собрания депутатов и правительства». То есть губернаторы к этому списку не относятся — однако суды в своей практике часто включают в понятие «органы власти» полицию и ФСБ.

- В этот же день был принят закон **31-ФЗ**, который ввел понятие «недостоверная общественно значимая информация», за распространение которой также следует внесудебная блокировка (по статье 15.3). Причем эта формулировка касается только сетевых изданий, к которым не относятся, например, «новостные агрегаторы» и традиционные СМИ, но относятся сайты этих СМИ, а также сайты, зарегистрированные в качестве сетевых изданий. Материалы в этом случае блокируются по особому алгоритму: генпрокурор сообщает Роскомнадзору, тот — редакции сетевого издания, а оператор связи появляется в цепочке только в том случае, если редакция не удалила материал и его требуется заблокировать. И **пресса**, и сами **законодатели** назвали этот закон «законом о фейкньюс». Одновременно были внесены поправки в КоАП (ч. 9 статьи 13.15), которые вводили штрафы за публикацию «недостоверной общественно значимой информации» (на следующий год наказания были ужесточены). После 24 февраля этот закон с последующими поправками в КоАП и УК стал главным инструментом военной цензуры.

По словам Дамира Гайнутдинова, закон о «фейках» практически не использовался до 2020 года — тогда его стали массово применять против ресурсов, публикующих «ложную информацию» о коронавирусе: *«За это время сложилась практика, появились разъяснения Верховного суда, как нужно его применять, и сейчас на этой основе его применяют к информации о войне»*. Характерный кейс представляет собой блокировка ресурса «Тайга.инфо» за две недели до начала войны: на сайте был опубликован материал о перебоях с продуктами в поселке Хатанга на Таймыре, после чего произошла блокировка этого текста с обоснованием по статье о «фейках». Группа «Агора» успела обжаловать блокировку, однако уже через две недели сайт «Тайга.инфо» был заблокирован

полностью — с тем же обоснованием, но уже за освещение войны.

- В том же 2019 году законом **426-ФЗ** вводится требование обязательной маркировки «иноагентов», за отсутствие которой также может последовать блокировка ресурса (статья 15.8).
- В 2020 году было принято четыре новых закона, которые привнесли 64 поправки в закон «Об информации», но большая часть этих поправок была посвящена финансовой безопасности (**ФЗ 479**), информации о нелегальной продаже лекарств (**ФЗ 105**) и другим темам, не связанным напрямую с политическими правами. В декабре того же года был принят «закон о цензуре» (**482-ФЗ**), который позволил Роскомнадзору блокировать или замедлять интернет-платформы, если они ограничивают распространение «общественно значимой информации».

Последние изменения в содержательной части закона (то есть, в перечислении типов информации, за публикацию которой могут последовать блокировки) были внесены уже в 2021 году:

- Законом **43-ФЗ** была введена новая статья 15.3-1, согласно которой внесудебной блокировке могут подвергаться сайты с предвыборной агитацией и другой информацией о выборах, если она противоречит законодательству. В этом случае право инициировать блокировку есть у избирательной комиссии, которая запрашивает Роскомнадзор, тот — оператора связи. То есть, сайт сначала блокируется, а уже потом его владелец может удалить информацию и запросить разблокировку.
- Законом **260-ФЗ** за 2021 год была введена новая статья 15.1-2: *«Порядок ограничения доступа к недостоверной информации, которая порочит честь и достоинство гражданина (физического лица) или подрывает его репутацию и связана с обвинением гражданина (физического лица) в совершении преступления»*. Статья описывает механизм таким образом: гражданин, обнаруживший недостоверную информацию о себе, пишет заявление на имя прокурора, после чего прокуратура проверяет информацию на достоверность и в случае нарушения направляет уведомление Роскомнадзору, тот — провайдеру хостинга, а провайдер, в свою очередь, владельцу сайта. Если информация не удаляется владельцем в течение суток, то сайт блокируется оператором связи.
- Закон **288-ФЗ**, принятый в один день с предыдущим (260-ФЗ), добавил к статье 15.1 (о реестре) еще один тип информации, за которую сайт или страница подвергается блокировке: конфиденциальная информация о судьях, должностных лицах и правоохранительных органах.

- Закон **250-ФЗ** добавил к статье 15.3 (о внесудебной блокировке) пункт о ресурсах финансовых мошенников — таких, как имитация официальных сайтов банков, а также сайты, которые «побуждают участвовать в „финансовых пирамидах“». В этом случае блокировка может происходить по инициативе Банка России.
- В декабре 2021 года был принят закон **441-ФЗ**, который расширил основание для внесудебных блокировок (ст. 15.3), введя четыре новых пункта: с этого момента под запретом оказались не только «призывы к массовым беспорядкам и осуществлению экстремистской деятельности», но и «обоснование и (или) оправдание осуществления экстремистской деятельности, включая террористическую деятельность»; «ложные сообщения об актах терроризма»; материалы организаций, признанных террористическими или экстремистскими и ссылки на них; а также «предложение о приобретении поддельного документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей».

После вторжения России в Украину государственная информационная политика резко ужесточилась. Однако большинство законодательных инструментов для быстрой блокировки нежелательных публикаций к этому моменту уже было создано, поэтому между 24 февраля и 28 мая были внесены на рассмотрение в Госдуму и приняты в основном законы, которые уточняли формулировки и вводили новые наказания за публикации — штрафы и тюремные сроки.

Так, 4 марта 2022 были приняты законы **31 ФЗ** и **32 ФЗ**, которые дополняли КоАП и УК статьями о «дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации», о «призывах к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации» (то есть, к санкциям), а также о «публичном распространении заведомо ложной информации

об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации» (статьи 20.3.3 и 20.3.4 КоАП; статьи 280.3 и 284.2 УК). 22 марта 2022 года в эти статьи в КоАП РФ и УК РФ были **внесены поправки**, которые добавили к перечню незаконных действий «дискредитацию» и «распространение недостоверной информации о работе государственных органов России за рубежом». Если «публичное распространение заведомо ложной информации» об использовании армии РФ или о действиях государственных органов за рубежом повлекло за собой «тяжкие последствия», то наказание может составить до 15 лет лишения свободы — это самый жесткий из принятых после 24 февраля 2022 года законов. На практике это привело к тому, что отдельные авторы и целые редакции удаляли свои публикации сами или объявляли о полном отказе освещать военные действия.

6 апреля в Госдуму был **внесен законопроект** о внесудебном прекращении деятельности СМИ по решению генпрокуратуры, дающий генпрокуратуре право без судебного вмешательства закрывать российские СМИ и инициировать запрет на работу на территории России иностранных СМИ. Инициаторы законопроекта назвали эти меры «зеркальными», ссылаясь на участвовавшие после начала войны блокировки официальных российских СМИ на зарубежных площадках (Youtube, Facebook и др.). На момент написания данного доклада этот законопроект был одобрен в первом чтении.

Согласно законопроекту, Генпрокуратура сможет признать регистрацию любого СМИ недействительной, если оно будет:

- распространять «фейки» или информацию, которая «оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность»;
- «выражать явное неуважение к обществу, государству, официальным госсимволам РФ, Конституции, органам госвласти»;
- распространять информацию, содержащую «призывы к участию в несанкционированных публичных мероприятиях» или к введению санкций;
- содержать пропаганду, обоснование или оправдание «экстремистской деятельности».

В этом случае деятельность СМИ будет запрещена, а сотрудники лишатся аккредитации.

Более того, в данном законопроекте предполагается внесудебная блокировка сайтов, содержащих «недостоверную информацию, распространяемую под видом достоверных сообщений» об использовании вооруженных сил, деятельности госорганов за рубежом, а также их дискредитацию или призывы к санкциям. После принятия новых поправок генпрокуратура при «неоднократном распространении такой информации» получит право направлять требование Роскомнадзору о немедленной блокировке сайта, а также ресурсов, «сходных с ним до степени смешения».

25 апреля в Госдуму был внесен законопроект «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», а точнее — поправки к законодательству об «иноагентах». Данный законопроект предусматривает возможность блокировки информационного ресурса «иностранного агента» во внесудебном порядке в случае нарушения законодательства об «иностранных агентах» (например, за отсутствие маркировки). Закон также расширял

определение этого термина, а значит, и основания, по которым Роскомнадзор может заблокировать сайт человека или организации, признанных «иноагентом». С этого момента «иноагентом» может считаться любой человек или структура, не только получающие иностранное финансирование, но и находящиеся «под иностранным влиянием» — с максимально широкими возможностями для трактовки этого определения (кроме органов публичной власти, государственных компаний и госкорпораций). Рассмотрение законопроекта в первом чтении запланировано на июнь 2022 года.

Кого наказывают

В 2012 году, когда принимался первый закон о блокировках, основными акторами интернета считались «провайдер хостинга», «владелец сайта», а также «оператор связи» (последний термин был взят из закона «О связи»: в статье 46 «**Обязанности операторов связи**» к традиционным радио, телефону и телевидению добавился интернет).

Организаторы распространения информации

- В 2014 году появился термин «организатор распространения информации» (**97 ФЗ**, статья 10.1). Согласно закону, это «...лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети „Интернет“». То есть «организатор распространения информации» — это сайт, платформа, сервис или приложение, которые позволяют пользователям обмениваться сообщениями или публиковать собственный контент.

Согласно закону, «организатор» обязан, во-первых, зарегистрироваться в соответствующем **реестре**; во-вторых — хранить в течение шести месяцев информацию об обмене сообщениями между пользователями и информацию о самих пользователях (эта информация должна храниться только на территории Российской Федерации); в-третьих — предоставлять эту информацию органам безопасности и оперативно-разыскной деятельности и хранить тайну мероприятий этих органов.

- В 2016 году к этому списку добавилась обязанность хранить сами сообщения, а также предоставлять органам безопасности и оперативно-розыскной деятельности средства декодирования сообщений (**374 ФЗ**). История блокировки приложения Telegram началась именно с этого пункта: Павел Дуров безуспешно пытался объяснить «органам», что Telegram не имеет доступа к ключам шифрования.

В реестре «организаторов распространения информации», который ведет Роскомнадзор, зарегистрированы сотни сервисов и платформ, позволяющих пользователям обмениваться сообщениями и емейлами, публиковать собственную информацию или даже просто комментарии. Это могут быть как почтовые службы, так и интерактивные карты, службы знакомств, новостные сайты, социальные сети, а также любые сайты и приложения, если они позволяют пользователю участвовать в создании контента. В феврале 2022 года в первые 15 пунктов **реестра** входили следующие «организаторы распространения информации»: несколько сервисов «Яндекса», «Рамблера» и «Мейл.ру», «Одноклассники», «ВКонтакте», ICQ, «Хабрахабр», сайт знакомства tamba.ru, новостной сайт с функцией комментариев «Роем», km.ru, www.liveinternet.ru, wikimaria.org, medianetworks.ru, сайт о пожарной безопасности www.0-1.ru, сайт «Московское Татарское Свободное Слово» и др. В случае отказа «организатора»

от регистрации ресурса в реестре доступ к нему ограничивается — происходит блокировка.

В апреле 2018 года статья 10.1 стала поводом для блокировки приложения Zello — голосового мессенджера, который позволяет создавать тематические группы и который использовали дальнбойщики во время протестов против введения системы «Платон» (система для взимания платы с автомобилей, имеющих максимальную разрешенную массу свыше 12 тонн). На момент блокировки в группе «Дальнбойщики» было более 14 тысяч подписчиков (а всего в России пользовались Zello около 400 тысяч человек, из которых, по данным РБК, около 100 тысяч состояли в группе «Дебаты», где обсуждали политику и экономику, и примерно столько же — в группе «Религия и политика»). Роскомнадзор отправил компании Zello требование в течение трех дней зарегистрироваться в качестве «организатора распространения информации», угрожая блокировкой. Регистрация в реестре автоматически вела за собой другое требование — согласно «закону Яровой», «организатор распространения информации» должен хранить данные пользователей в течение года и предоставлять их по требованию правоохранительных органов вместе с ключами шифрования. Однако голосовые сообщения передаются в Zello в реальном времени и не хранятся на сервере долго. Разработчик Zello Алексей Гаврилов (компания зарегистрирована и работает в Остине, Техас) прокомментировал это требование так: *«Мы бы записались в реестр, но хранить информацию о пользователях в России мы не можем... У нас только 10% пользователей из России, и теперь мы должны хранить данные всех? Это бред».*

Приложение было заблокировано, однако в течение 2017 и весны 2018 года дальнбойщики продолжали пользоваться Zello благодаря встроенным в 2014 году технологиям обхода блокировок. Тогда Роскомнадзор

заблокировал сервера, которые использовались в приложении. Среди 36 заблокированных серверов 26 оказались принадлежащими компании Amazon, которая попросила Zello перестать использовать свои сервера для обхода блокировок. Разработчики согласились, но спустя несколько месяцев Роскомнадзор обнаружил, что Zello теперь использует сервера компании Google и **заблокировал их**. В письме операторам, **как пишет издание «Медуза»**, Роскомнадзор сообщил, что блокировка подсетей (в частности, серверов компании Google) является «экспериментом». Подобные «эксперименты» проходили несколько лет и были результатом деятельности **созданного Роскомнадзором в 2017 году специального департамента** для отработки технологий блокировок запрещенных интернет-ресурсов.

Поисковая система, новостной агрегатор, владелец аудиовизуального сервиса, владелец социальной сети

- В 2015 году вводятся понятия «поисковая система» и «оператор поисковой системы» (264 ФЗ). Помимо прочих обязанностей, оператор должен по требованию любого гражданина убрать доступ к «недостоверной информации» (так называемое «право на забвение»).
- В 2016 году в закон вводится понятие «новостной агрегатор» (208 ФЗ). Это российское юридическое лицо или гражданин РФ, которые являются *«владельцами программы для ЭВМ, владельцами сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет»»* со следующими условиями: на этих сайтах или страницах публикуется информация на русском языке или национальных языках РФ и они имеют не меньше 1 млн просмотров в день. Как и «организатор распространения информации», «новостной агрегатор» обязан зарегистрироваться в соответствующем реестре и хранить информацию о пользователях 6 месяцев.
- В 2017 году в закон вводится понятие «владелец аудиовизуального сервиса» (87 ФЗ) — сайта, приложения и т. п., который предоставляет доступ к контенту *«за плату и (или) при условии просмотра рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации»*. Чтобы иметь право на распространение аудиовизуального контента, владелец сервиса должен иметь аудиторию больше 100 тыс. пользователей в сутки, причем речь идет только о тех, кто находится на территории РФ. Для владельцев аудиовизуального сервиса также есть свой реестр и в их обязанности тоже входит хранение информации о пользователях в течение шести месяцев.

- Наконец, в 2020 году, помимо десятков других поправок, в закон «Об информации» вводится понятие «владелец социальной сети» (530 ФЗ). Это владелец сайта с 500 тыс. и более пользователей в сутки, находящихся на территории РФ. У «владельцев социальных сетей» тоже есть свой реестр и обязанности, среди которых не только хранение информации о пользователях и их сообщений, но и составление ежегодных отчетов, и постоянный мониторинг контента соцсетей.
- Согласно законопроекту 2022 года «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», информационные ресурсы «иностранных агентов» также могут быть заблокированы независимо от их типа (сайт, аккаунт в соцсетях и т. п.)

Определение государственных границ в интернете

Пояснительная записка к законопроекту о «суверенном рунете» начинается с упоминания *«агрессивного характера принятой в сентябре 2018 года Стратегии национальной кибербезопасности США»*.

Кроме того, в этом документе есть глава, в которой, в частности, говорится о необходимости *«продвигать свое видение открытого интернета в качестве международного стандарта»* вопреки *«попыткам авторитарных государств, рассматривающих открытый интернет как политическую угрозу, превратить свободный и открытый интернет в авторитарную сеть с тотальным контролем под видом обеспечения безопасности или борьбы с терроризмом»* (с. 28).

Согласно пояснительной записке, задачами нового закона являются:

- «минимизация передачи за рубеж данных, которыми обмениваются между собой российские пользователи»;
- «контроль над трансграничными линиями связи и точками обмена трафиком»;
- введение системы «централизованного управления трафиком».

Для этого закон предусматривает установку технических средств, с помощью которых можно будет ограничить доступ к ресурсам с запрещенной информацией не только по сетевым адресам, но и путем запрета пропуска проходящего трафика. Речь идет о линиях связи, которые пересекают государственную границу РФ: в этих местах операторы связи обязаны установить «технические средства противодействия угрозам» (ТСПУ). Дальнейшие приказы и другие документы уточняют, что речь идет о программном обеспечении для глубокой фильтрации контента. Согласно [отчету Роскомнадзора за 2020 год](#), ТСПУ установлены на 100% мобильных устройств и 50% стационарных.

Законом 90-ФЗ была также внесена новая статья 14.2 (закона «Об информации»), предполагающая создание «национальной системы доменных имен». Вышедший через несколько месяцев [приказ Роскомнадзора](#) определил доменные имена, входящие в национальную систему:

- доменные имена, входящие в домен верхнего уровня.RU;
- доменные имена, входящие в домен верхнего уровня.РФ;
- доменные имена, входящие в домен верхнего уровня.SU;
- доменные имена, входящие в домен верхнего уровня, находящийся под управлением российского юридического лица.

По сути, речь идет о национализации тех доменных зон интернета, которые традиционно были русскоязычными, хотя и не находились под прямым управлением Российской Федерации. Об угрозе полного государственного контроля над Координационным центром национальных доменов пресса писала еще в 2016 году. Тогда, по данным журналистов газеты «Коммерсантъ», на совещании в Минкомсвязи с участием представителей ФСБ, Минфина, Федеральной налоговой службы и Роскомнадзора предлагалось «фактически ликвидировать» КЦ «в пользу конструкции, формулируемой в так называемом законопроекте об «автономной системе российского интернета». То есть, действия российских властей по отношению к интернету были логичными и последовательными, как минимум, с 2016 года, если учитывать, что целью являлась изоляция и контроль над сетью.

СУВЕРЕННЫЙ РУНЕТ

О том, что интернет «опасен» для российского общества и нуждается в государственном контроле, Владимир Путин впервые прямым текстом **сказал** в апреле 2014 года во время медиафорума в Санкт-Петербурге. По словам президента, «интернет возник как спецпроект ЦРУ США, так и развивается»; пресса того периода писала о планах российских властей по укреплению информационной безопасности страны. В том числе речь шла о размещении серверов крупных национальных интернет-ресурсов на территории России — эта мера подавалась как необходимая, поскольку «американцы контролируют информационные потоки», проходящие через их серверы.

За пару месяцев до медиафорума в Госдуме и в прессе активно обсуждался вопрос о контроле над интернетом: в феврале были внесены поправки в закон «Об информации» (приняты в апреле 2014 года под

номером 97 ФЗ), которые приравнивали блогеров к СМИ и обязывали владельцев интернет-ресурсов в течение шести месяцев хранить на территории России информацию о пользователях и об обмене сообщениями между ними, а также предоставлять эту информацию органам безопасности и оперативно-розыскной деятельности. Сопутствующие изменения в КоАП предусматривали штрафы до 200 тыс. руб. (для юридических лиц) за неисполнение требований этого закона. Российские крупные IT-компании, как, например, **Mail.Ru Group**, а также **правозащитники** и эксперты критиковали новый законопроект. Первые указывали на то, что реализация проекта повлечёт за собой крупные финансовые потери, вторые — на то, что закон легко может превратиться в инструмент цензуры.

Одна из инициаторов законопроекта, депутат Ирина Яровая, **прокомментировала** его так:

«Организаторы распространения информации... будут хранить сведения о фактах соединения, но не сами сообщения. Важно подчеркнуть, что блогеры не обязаны хранить такие сведения, поскольку это прерогатива лиц, обеспечивающих функционирование информационной системы или программы. Таким образом, нормы международного права не нарушаются». Закон 97-ФЗ стал частью так называемого «антитеррористического пакета», в который также входили законы, расширяющие полномочия ФСБ в борьбе с террористическими угрозами и ограничивающие неперсонифицированные платежи. **Комментируя** свою инициативу, Андрей Луговой упомянул «события на Украине», во время которых, по его словам, *«всевозможные западные переводы по копейке внутри страны слились в многомиллионный поток поддержки экстремизма и выстрелили на Майдане».*

Следующие «антитеррористические» законы, также инициированные Яровой в 2016 году, увеличили срок

хранения информации до одного года и обязали владельцев сайтов хранить, помимо информации о факте обмена сообщениями, еще и содержание этих сообщений.

Таким образом, 2014 год стал началом большой программы по созданию системы тотального контроля над российским сегментом интернета. Для этого российским властям потребовалось разработать способы изоляции этого сегмента от мирового интернета, который они понимают как преимущественно американский. Три рамочных документа — «Доктрина информационной безопасности» (2016), «Стратегия противодействия экстремизму» (2020) и «Стратегия национальной безопасности России» (2021) — в сочетании с законами «о суверенном рунете» (2019) и «о приземлении» (2021) создали юридическую основу для изоляции российского сегмента сети.

- «**Доктрина информационной безопасности**» была подписана в декабре 2016 года (предыдущая вышла в 2000 году). В качестве основных угроз в ней упоминались: зарубежные спецслужбы и военные; технологическое отставание РФ; террористы; мошенники; а также два пункта, которых не было в предыдущей версии 2000 года — дискриминация российских СМИ на Западе и «экстремизм». Технически главную опасность, согласно доктрине, представляет трансграничный оборот информации — между пользователями, находящимися на территории России и вне ее.
- В «**Стратегии противодействия экстремизму**» (2020) распространение информации в интернете, например, призывов к «несогласованным» митингам, перечисляется среди «наиболее опасных проявлений экстремизма».
- В «**Стратегии национальной безопасности России**» (2021) особое внимание было уделено вопросам информационной безопасности и главным угрожаящим этой безопасности факторам. Согласно стратегии, интернет является инструментом «вмешательства во внутренние дела государства» со стороны зарубежных спецслужб, а также контроля над информационными ресурсами со стороны транснациональных корпораций. С одной стороны, эти корпорации и государства, «деструктивные силы за рубежом и внутри страны», занимаются «цензурой и блокировкой альтернативных интернет-платформ», то есть российских медиа за рубежом. С другой — «навязывают искаженный взгляд на исторические факты» и посягают на основы конституционного строя Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина, в том числе путем инспирирования «цветных революций».

Руководитель проекта «Роскомсвобода» Артем Козлюк **в интервью для «Новой газеты»** подчеркнул, что «Стратегия национальной безопасности России» является продолжением закона «о суверенном рунете»: *«Так что, агрессивные пункты этой стратегии неудивительны и в целом ложатся в тренд государства на агрессию по отношению к интернет-пространству и коммуникациям. Наше государство акцентирует свое внимание на интернете не как на инструменте прогресса, созидания, обмена информацией, а как на инструменте пропаганды, политизации, распространения западного влияния и т. д.»*

Вышеназванные рамочные документы разрабатывали концепцию изоляции российского сегмента интернета — а одновременно новые законодательные инициативы вносили очередные поправки в законы «Об информации», «О связи», в Уголовный кодекс и КоАП. Так, в 2019 году вышел закон о «суверенном рунете» (**90-ФЗ**), в котором идея американского контроля над интернетом была переработана в концепцию «суверенного рунета» — изолированной информационной системы с особым контролем над трансграничными линиями связи. А в 2021 году был принят закон «о приземлении» (**236-ФЗ**), или «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ на территории Российской Федерации», согласно которому все крупные иностранные компании должны открыть свои офисы в России под угрозой блокировки.

IT-ГИГАНТЫ

Весь 2020 год правительство РФ, Роскомнадзор, Минцифры и другие ведомства занимались разработкой правил и технологий изоляции российского сегмента интернета в соответствии с законом 90-ФЗ. **По мнению**

экспертов проекта «Сетевые свободы», «в 2020 году в целом завершилось нормативное обеспечение изоляции рунета», поскольку правительство утвердило правила «централизованного управления сетью» и регламент установки ТСПУ (технических средств противодействия угрозам), а Роскомнадзор **начал внедрять** их в отрасль. «Сетевые свободы» отдельно отмечают, что «к „угрозам“, в частности, относится не только [вероятность] нарушения конфиденциальности и целостности коммуникаций, но и возможность доступа к запрещенным в стране информации или ресурсам». То есть закон, формально принятый для создания стабильной системы на случай «отключения России от интернета», привел к разработке системы контроля или запрета информации, включая блокировку сайтов.

Все это время у экспертов, активистов и журналистов оставался вопрос, каким образом российские власти собираются воздействовать на IT-гигантов — Google, Facebook, Twitter и другие корпорации, владельцев и руководство которых трудно убедить следовать российским законам. В середине 2021 года для решения этой задачи был подписан закон «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ на территории Российской Федерации». Инициатор закона депутат Александр Хинштейн называет его «законом о приземлении», а эксперты проекта «Роскомсвобода» — «законом о заложниках». Суть в том, что крупные зарубежные интернет-корпорации обязуют открыть представительства на территории РФ, которые будут нести ответственность перед российским государством — в том числе, ограничивать распространение запрещенной информации.

Закон определяет интернет-корпорации, подлежащие новому регулированию, как компании, которые:

- основаны за рубежом гражданами других стран;
- насчитывают не менее 500 тыс. пользователей из России;
- распространяют информацию на русском языке или языках народов России;
- распространяют ориентированную на россиян рекламу;
- обрабатывают сведения о пользователях из России;
- получают деньги от российских граждан и юрлиц.

В законе оговариваются следующие меры принуждения в случае отказа компаний открыть представительство в РФ:

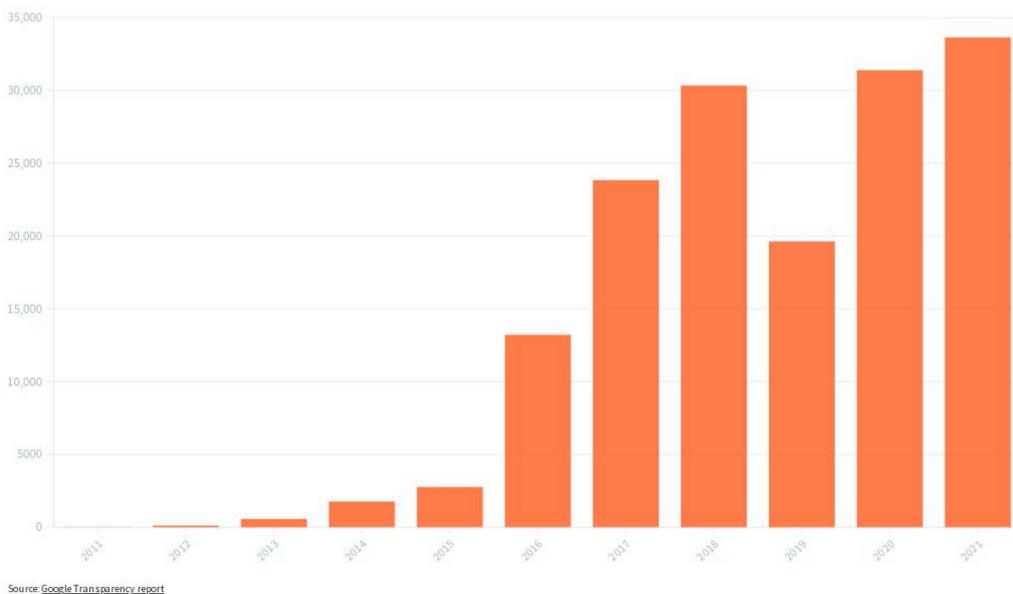
- информирование российских пользователей о нарушении законодательства;
- запрет на перевод иностранному лицу российских денег;
- запрет на трансграничную передачу персональных данных российских пользователей (россияне и российские организации будут не вправе передавать такие данные, то есть, по сути это частичная блокировка);
- полная блокировка на территории России.

Только в 2021 году зарубежные IT-гиганты получили штрафы более чем на **9,4 млрд** рублей за отказ удалять контент и локализовать пользовательские данные. Эксперты проекта «Сетевые свободы» в докладе о состоянии свободы интернета за 2021 год (по данным за первые 9 месяцев) перечислили иностранные интернет-компании, уже тогда попавшие в Единый реестр: Youtube, Facebook, WhatsApp, Zoom, Telegram, Viber, Spotify, TikTok, Twitch, Pinterest, а также Apple. «Это значит, — говорится в докладе, — что каждый из сервисов

юридически находится в одном шаге от замедления или блокировки, как это случилось с Twitter. Установка на сетях связи оборудования для изоляции Рунета (ТСПУ) уже позволяет это сделать».

Особенно часто Роскомнадзор блокирует материалы, связанные с крупными оппозиционными движениями или организациями. Так, например, в январе 2021 года **были заблокированы** 12 материалов на Youtube, «содержавших одно и то же видео с призывами участвовать в несогласованных митингах в январе 2021 года». Компания Google LLC подала в суд на Роскомнадзор, поскольку в требовании заместителя генпрокурора ссылок на конкретные материалы вообще не было, но было упомянуто видео, опубликованное в TikTok. Арбитражный суд Москвы отказал компании Google LLC, посчитав, что меры Роскомнадзора носили «профилактический и пресекающий характер». В целом IT-гиганты стараются следовать новому законодательству — встречаются с Комиссией по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России, выплачивают штрафы, обещают удалить запрещенную информацию и приложения (например, в сентябре 2021 года Apple и Google LLC **удалили** приложение «Навальный» из своих магазинов, а Google LLC еще и убрал «умное голосование» **из поисковой выдачи браузера**). Кроме того, Google LLC отвечает за запросы разных государств на удаление тех или иных материалов и **публикует данные** об этих запросах. В 2021 году Россия была на первом месте по количеству таких запросов (на втором месте Турция, затем — Индия и США). А по данным за период с 2002 по 2021 годы хорошо видно, как росли аппетиты российских властей — особенно в графе «Критика правительства».

Requests of Russian Government to Google to Remove Content

Made with Flourish • Create your own

С другой стороны, Роскомнадзор контролирует доступность официальных (и близких к официальным) каналов. Упомянутый выше «закон о цензуре» 2020 года был внесен на рассмотрение Госдумы на следующий день после того, как Youtube-канал «Соловьев LIVE» перестал попадать в тренды сервиса. Роскомнадзор **обвинил** компанию Google LLC в «ограничении распространения материалов популярного российского автора, воспрепятствовании росту его аудитории». Кроме того, Роскомнадзор направлял в Google LLC запрос о причинах удаления с Youtube-канала НТВ запись обращения Владимира Путина, в Twitter — запрос о причинах отсутствия в результатах поисковой выдачи аккаунта «РИА Новости», а также сразу нескольким платформам — требования общего характера вроде «прекратить цензуру российских СМИ» («РИА Новости», RT, Sputnik и «Россия-1»). *«В конце концов, — пишут* авторы доклада «Свобода интернета 2020: вторая волна репрессий» (проект «Сетевые свободы»), — *Роскомнадзор объявил, что речь идет о «целенаправленной политике влияния зарубежных платформ на доступ россиян к объективной*

информации» и рекомендовал «российским СМИ и информационным ресурсам для сохранения возможности надежного и быстрого доступа к контенту размещать видеоматериалы на платформах российских интернет-компаний». Параллельно Роскомнадзор возбудил в отношении Google LLC дело об административном правонарушении и оштрафовал компанию на 3 млн рублей (это был уже третий штраф).

После 24 февраля 2022 года ситуация у большинства IT-гигантов поменялась. Компания Meta была объявлена экстремистской, а принадлежащие ей соцсети Facebook и Instagram — заблокированы на территории России. Google и Youtube пока остаются доступными, однако регулярно получают угрозы от Роскомнадзора и от депутатов, инициирующих большую часть законопроектов, связанных с блокировками.

КАК ПРОИСХОДЯТ БЛОКИРОВКИ

Запрещенная информация попадает в Единый реестр разными способами. Блокировки сайтов, связанных с «нежелательными организациями», происходят в ручном режиме и связаны с другими репрессиями, направленными на оппозиционеров или медиа, то есть, сайты, страницы и аккаунты отдельных активистов могут быть заблокированы не за контент, а в качестве репрессивной меры. *«Некоторые попадают под административные и уголовные преследования за то, что они на самом деле активисты, особенно в регионах, где какой-нибудь следователь, прокурор или сотрудник центра „Э“ решил, что они что-то там раскричались и уже пора на них вешать какую-то статью»*, — рассказал на круглом столе «ОВД-Инфо» руководитель проекта «Роскомсвобода» Артем Козлюк.

Кроме того, по наблюдениям «Роскомсвободы», во многих ведомствах существует система отчетности по количеству

заблокированных ресурсов. *«Имеет смысл каждую категорию запрещенной информации рассматривать по отдельности, — говорит Козлюк, — У нас же дюжина ведомств отвечают за разные куски цензуры в сети, и у них может быть по-разному устроена своя „палочная система“. На первом месте по количеству блокировок сейчас находится налоговая служба. Значит, у них может быть KPI по количеству заблокированных в месяц ресурсов».*

Есть государственные ведомства, которые отвечают на запросы о блокировке от самих пользователей, но, как считает «Роскомсвобода», чаще всего этим занимаются «псевдо-общественные организации вроде „Лиги безопасного интернета“, кибер-дружинников, кибер-казаков, кибер-гвардии» и т. п. Причем, внутри этих организаций может существовать система мотивации, например, «доска почета» с информацией о количестве отправленных жалоб и числу запрещенных по ним ресурсов — такая, по словам Козлюка, есть у «МедиаГвардии» (проект «Молодой Гвардии Единой России»).

Своего рода специализация есть и у районных прокуратур, которые отчитываются о количестве заблокированных материалов. Эту новую тенденцию заметил правовой аналитик и руководитель проекта «Сетевые свободы» Дамир Гайнутдинов: *«Одна районная прокуратура специализируется на электроудочках и незаконных орудиях лова, кто-то специализируется на приборах, помогающих обманывать электросчетчики, а кто-то — на продаже алкоголя».* По словам Гайнутдинова, иногда ведомства пересекаются по темам — как в случае с онлайн-продажей алкоголя, где Росалкогольрегулирование конкурирует с районными прокурорами.

Он также отмечает, что в 2021 году впервые появились блокировки по инициативе полиции. Речь идет о сайтах, заблокированных в связи с делами об административных правонарушениях. *«Раньше все ограничивалось тем, что человека привлекали к ответственности, а теперь МВД также требует блокировки материалов, — говорит Гайнутдинов, — И прокуроры теперь отчитываются в своих пресс-релизах: человек привлечен к уголовной ответственности, а материалы удалены или заблокированы».*

В мае 2022 года, после вторжения России в Украину, блокировок с очевидно политическим обоснованием стало гораздо больше. Дамир Гайнутдинов добавляет *«Сейчас у меня ощущение, что нет ничего, кроме войны... Например, на нашу горячую линию в последние месяцы вообще не было обращений, не связанных с войной. Раньше — десяток в неделю, минимум: запрещенная символика, экстремистские материалы и т. п.»* Несмотря на это, по его наблюдениям, продолжают и «ведомственные блокировки», обычно не связанные напрямую с политическими высказываниями — например, сайтов, специализирующихся на нелегальной продаже алкоголя или документов.

Наконец, заметное (хотя небольшое в процентном отношении) число блокировок — результат прямого политического решения властей. В таких случаях зачастую используются сразу все существующие законодательные нормы. Эксперты условно делят блокировки на массовые и точечные. Первые представляют собой, скорее, *«ежедневный и повседневный функционал»* и похожи на «обычную уборку дома» для государства, они уже стали рутинной работой и происходят в автоматическом режиме. *«А есть, естественно, политически мотивированные решения, — говорит Дамир Гайнутдинов, — которые принимаются централизованно в отношении определенных субъектов, будь то медиа или*

активисты». Такие блокировки представляют собой отдельные кейсы, результат «заказа сверху». «Тогда применяются сразу все законы, — поясняет директор и ведущий юрист „Центра защиты прав СМИ“ Галина Арапова. — Организация признается „нежелательной“ или „иноагентом“ и выпиливается весь ее контент. Самый яркий пример — это блокировки расследований „Проекта“, „Команды 29“, ФБК. Их можно рассматривать как исключительные и они явно носят политический характер. Тут под конкретного клиента подогнали весь комплекс законодательства, который позволил бы вычистить все под корень».

Проекты Алексея Навального

В России самое большое количество блокировок по разным поводам, по всей видимости, досталось порталам и публикациям, связанным с Алексеем Навальным и его проектами. В разные годы блокировались его «Живой журнал», материалы с расследованиями, видео на YouTube-каналах, проект «Умное голосование» и др. На данный момент в России заблокирован доступ к сайту navalny.com, странице «Фонда борьбы с коррупцией» (ФБК), ко всем сайтам региональных Штабов Навального и страницам некоторых соратников политика.

«Живой журнал»: судебное решение, призывы к участию в акциях. Блокировка всего блога вместо отдельных страниц

Первый раз команда политика столкнулась с блокировками в 2014 году: Роскомнадзор заблокировал личную страницу Навального в «Живом журнале». Блог оппозиционера внесли в единый реестр запрещенной информации по запросу Генеральной прокуратуры. Формальным основанием послужило то, что Навальный тогда находился под домашним арестом в рамках

расследования по делу «Ив Роше». Пользоваться интернетом политику было нельзя, но публикации в блоге продолжали появляться — тексты писали от своего имени жена Навального или его соратники. *«Функционирование данной интернет-страницы нарушает положения судебного решения об избрании меры пресечения гражданину, в отношении которого возбуждено уголовное дело»*, — **заявили** тогда в Роскомнадзоре.

Однако не случайно в тот же период начались первые крупные блокировки порталов, связанных с освещением политических событий: в Единый реестр включили сайты «Грани.ру», «Каспаров.ру» и «Ежедневный журнал». Одновременно **заблокировали** и копию блога Навального, которая выходила на «Эхе Москвы», — при этом на какое-то время недоступен оказался весь сайт радиостанции.

Спустя несколько недель Генпрокуратура **высказала** свою позицию, объяснив блокировку блога Навального иначе — не нарушением судебного решения, а призывами к участию граждан в «несанкционированных массовых мероприятиях». По закону о защите информации, первое основание — нарушение судебного решения — не позволяет включать сайты в реестр запрещенной информации, в то время как «призывы» разрешают это сделать. Вероятно, новая публичная позиция Генпрокуратуры была связана именно с этим обстоятельством.

Ведомство поясняло, что «призывы» появились в открытой группе во «ВКонтакте», которая называлась «Война коррупции — поддержка Алексея Навального». Из размещенных в группе фото- и видеоматериалов якобы «усматривалось, что в ходе проводимых мероприятий оказывается сопротивление законным требованиям сотрудникам полиции». Материалы же в блоге политика, по представлению Генпрокуратуры, имели «единую тематическую направленность» с такими призывами

и формировали «мнение о приемлемости указанных выше действий».

Группу «Война коррупции — поддержка Алексея Навального» потребовал заблокировать единокор Александр Сидякин, и 13 марта, в день блокировки страницы Навального в «ЖЖ», он **получил** ответ от Генпрокуратуры, что это требование удовлетворят. Однако на момент выхода заявления ведомства (2 апреля) группа во «ВКонтакте» так и продолжала открываться, а блог Навального — нет.

Спустя несколько месяцев, 28 июля, Мосгорсуд отклонил жалобу Навального на блокировку. В суде **прозвучали** объяснения, в связи с какими именно публикациями был заблокирован блог. В качестве причин были названы **две записи**: первая была посвящена событиям на Украине, но содержала призыв прийти поддержать обвиняемых по «Болотному делу», а во второй читателям предлагалось прийти к суду, где по тому же делу должен был быть оглашен приговор.

Отвечая на вопрос о целесообразности блокировки всего блога из-за двух записей, Генпрокуратура заявила, что закон не обязывает ее указывать конкретные страницы блога при принятии решения о блокировке.

В Роскомнадзоре же объяснили, что технически блокировку проводила администрация «Живого журнала», а у них могло не быть возможности закрыть доступ к отдельным записям в блоге.

Навальный удалил две конкретные записи, на которые ссылалась Генпрокуратура, однако его блог в «ЖЖ» разблокировали только спустя полтора года. По словам оппозиционера, он так и не понял, почему не сняли блокировку, поэтому в какой-то момент решил просто удалить все имевшиеся записи. После этого, 11 ноября 2015 года, блог **разблокировали**, и политик начал

заполнять его заново. Параллельно появился блог Навального на новом домене: navalny.com.

2018 год: блокировки на фоне выборов

Следующий виток давления на Навального и его команду с помощью блокировок пришелся на 2018 и 2019 годы и, по всей видимости, мог быть связан с активной деятельностью политика в связи с президентскими выборами.

Для понимания контекста блокировок этих лет важно учесть, что в 2016 году Навальный заявил о своем намерении участвовать в президентских выборах 2018 года, после чего в течение 2017 года вел масштабную избирательную кампанию, которую сопровождали регулярные административные аресты политика (или, например, нападения провластных групп) и некоторых его соратников. В том же году по России прошли массовые акции протеста «Он вам не Димон». Однако в конце 2017 года ЦИК отказал Навальному в регистрации кандидатом на выборах из-за непогашенной судимости по делу о «Кировлесе». В ответ оппозиционер запустил кампанию, призывающую бойкотировать выборы.

15 февраля 2018 года, — после очередного организованного Навальным митинга «Забастовка избирателей», на которой его **задержали**, — Роскомнадзор **начал** блокировать сайт политика navalny.com.

Формальной причиной стал отказ Навального удалить с сайта расследование ФБК, посвященное вице-президенту Сергею Приходько и бизнесмену Олегу Дерипаске.

Расследование вышло на портале navalny.com 8 февраля, а уже на следующий день Роскомнадзор по решению Усть-Лабинского районного суда Краснодарского края **внес** в Единый реестр запрещенных сайтов адрес

расследования на сайте самого Навального, его версию на YouTube-канале и ряд освещавших его новостных публикаций. Решение суд принял в рамках иска предпринимателя Олега Дерипаски к модели Насте Рыбке (Анастасии Вашукевич) и писателю Алексу Лесли (Александр Кириллов) за «публикацию материалов о его личной жизни без разрешения»: в расследовании Навального фигурировали данные из открытых источников, в том числе из книги и инстаграм-аккаунта Рыбки, согласно которым модель отдыхала на яхте в Норвегии в компании Сергея Приходько и самого Дерипаски.

В качестве обеспечительных мер по иску суд постановил удалить материалы в трехдневный срок, предупредив, что в противном случае сайты, на которых они размещены, заблокируют. Кроме того, в день блокировки сайта navalny.com Навальный проводил эфир в YouTube — сразу после окончания платформа заблокировала запись, сославшись на нарушение авторских прав.

Навальный подал иск к Роскомнадзору в связи с блокировкой, однако он **не был** принят. Вскоре команда политика удалила расследование с сайта navalny.com, и спустя 5 дней его **разблокировали**. «Мы считаем, что нормально сопротивлялись блокировке и учения прошли успешно», — заявил оппозиционер, комментируя решение об удалении материала.

«Учения» команде Навального действительно вскорегодились. Параллельно с кампанией по бойкотированию президентских выборов, политик запустил в начале 2018 года проект «Умное голосование» — его стратегией, направленной на протестный электорат, было снижение числа побед кандидатов от «Единой России» на муниципальных выборах, запланированных на 2019 год. В декабре

2018 года сайт проекта на домене 2019.vote **заблокировал** Роскомнадзор.

Глава надзорной службы Вадим Ампелонский заявил, что в ведомство якобы поступили жалобы нескольких человек на то, что сайт «незаконно обрабатывает их данные». Формальной причиной послужило именно это: по мнению Роскомнадзора, на сайте не была прописана политика конфиденциальности обработки персональных данных.

Навальный подал жалобу на блокировку, и на её рассмотрении оппозиционеры объяснили, что вообще не работают с персональными данными. Однако представители ведомства **заявили**: информация о пользователях, которые не регистрировались на сайте, подвергалась обработке через сервисы Google Analytics и Яндекс.Метрика. При этом «собранные данные размещались на серверах Google, которые находятся в США» — с точки зрения Роскомнадзора, администратор сайта в этом случае должен был либо предоставить в ведомство заверенное согласие на обработку персональных данных, либо хранить информацию на российских серверах. После блокировки сайт «Умного голосования» переехал на домен appspot.com — облачную платформу которую поддерживает Google.

2021: признание экстремистскими организациями, массовые блокировки

На фоне отравления Навального в августе 2020 года, его возвращения в Россию в 2021 году, публикации расследования «Дворец для Путина», замены условного срока политика на реальный и протестов, связанных со всеми этими событиями, блокировки вновь стали дополнительным инструментом давления на оппозиционера и его соратников. На начало 2022 года все сайты, аффилированные с Навальным и его командой, заблокированы в России.

Блокировки 2021 года можно разделить на два потока: одни были частью процесса борьбы с самими структурами Навального и признания их экстремистскими организациями; другие, по-видимому, служили для лишения потенциальных избирателей доступа к сайту «Умного голосования».

Что интересно, заблокировать проект «Умное голосование» начали даже раньше, чем ФБК и Штабы Навального были признаны экстремистскими организациями (это случилось 9 июня). Например, ещё 6 мая YouTube **разослал** владельцам каналов на платформе Владимиру Милову, Денису Стяжину и Илье Яшину, а также изданиям «Новая газета» и SOTA предупреждения о перспективе блокировки из-за ссылок на «Умное голосование», которые в организации расценили как «спам, обман и мошенничество». Однако в тот же день платформа **признала** претензии ошибочными, восстановила удалённый контент и извинилась перед пользователями.

К 26 июля 2021 года, после признания структур Навального экстремистскими, практически все сайты, связанные с ними, **были заблокированы**. Среди них сайт самого оппозиционера navalny.com, страницы ФБК и Штабов Навального, сайты его соратников Леонида Волкова, Любви Соболев и Олега Степанова, страницы проектов «РосЯмы» и «РосЖКХ», а также сайт «Альянса врачей» (который формально никак не был связан с Навальным) и другие. Леонид Волков назвал общее количество заблокированных порталов — 49 (по **данным** Роскомсвободы — 54).

Среди заблокированных ресурсов оказались и «зеркала» сайтов. Как **отмечали** в «Роскомсвободы», это был, по-видимому, первый случай, когда сайт-«зеркало» (navalny.app) в России начали блокировать с помощью «технических средств противодействия угрозам» (ТСПУ). Как отмечали эксперты, ранее эти технологии

использовались только для замедления Twitter. Стоит отметить, что `navalny.app` начали блокировать еще до появления ресурсов Навального в Едином реестре запрещенных сайтов, который интернет-провайдеры используют для настройки блокировок. Первыми это начали делать мобильные операторы — на тот момент у всех них уже были установлены ТСПУ.

На 26 июля 2021 года портал «Умного голосования» на `appsport.com` — домене Google — оставался единственным не заблокированным ресурсом, связанным с Навальным, хотя Роскомнадзор неоднократно пытался это исправить. Так, 23 июня ведомство обратилось к Google с просьбой прекратить техническую поддержку сайта «Умного голосования», в качестве причины вновь назвав нарушения правил обработки персональных данных. «Коммерсанту» удалось поговорить с екатеринбургским юристом Андреем Еланцевым, который подал официальную жалобу в Роскомнадзор и формально инициировал этот процесс: он заявил, что проблема в хранении данных пользователей на серверах, расположенных в США. Тот же аргумент ещё в 2018 году использовал и Роскомнадзор.

Тем не менее, по каким-то причинам портал тогда не заблокировали — как позже отмечал Волков, это могло быть связано с отказом Google удовлетворять требования российских властей. 3 сентября того же года Арбитражный суд Москвы запретил Google и «Яндексу» показывать словосочетание «Умное голосование» в поисковой выдаче. Сделано это было в качестве обеспечительной меры по иску малоизвестной ставропольской компании ООО «Вулинтертрейд», которая 27 июля — на следующий день после блокировки всех ресурсов Навального кроме «УГ» — зарегистрировала свои права на товарный знак «Умное голосование». 6 сентября сайт «Умного голосования» все же заблокировали, используя для этого ТСПУ. Роскомнадзор

объяснил это решение тем, что сайт якобы «используется для продолжения деятельности и проведения мероприятий экстремистской организации». На тот момент в доступе всё ещё оставались мобильные приложения «Умного голосования» и бот в Telegram, однако к выборам (17-19 сентября) из доступа исчезли и они.

17 сентября приложение «Навальный» с функцией «Умного голосования» было удалено из российских магазинов Google и Apple (в магазинах других стран они остались доступными). Роскомнадзор требовал этого еще с середины августа и грозил компаниям штрафами в случае неповиновения. Газета The New York Times **утверждала**, что Google согласился удалить приложение «Навальный» из магазина Google Play после угроз уголовного преследования сотрудников компании.

18 сентября оказался на некоторое время недоступен бот «Умного голосования» в Telegram. Тогда владелец приложения Павел Дуров **объяснил** ситуацию «днем тишины» и запретом на предвыборную агитацию во время голосования, однако позже **заявил**, что работа бота была приостановлена из-за угрозы блокировки всего приложения Telegram в России.

Открытая Россия

Как и структуры Навального, проекты, связанные с Михаилом Ходорковским, не раз сталкивались с блокировками. В отличие от ресурсов Навального, однако, большинство блокировок сайтов, поддерживаемых Ходорковским, обосновывались единственной причиной: взаимодействием с нежелательной организацией.

Ресурсы Ходорковского впервые массово заблокировали в 2017 году на основании принятого двумя годами раньше закона о «нежелательных организациях» — иностранных и международных структурах, «представляющих угрозу

основам конституционного строя, обороноспособности и безопасности государства». В апреле 2017 года Генпрокуратура признала нежелательными британские структуры Open Russia Civic Movement и Otkrytaya Rossia. И хотя их связь с российским движением «Открытая Россия», которое поддерживал Ходорковский, весьма сомнительна, новый статус стал формальным поводом для преследования движения и его членов разными методами, в том числе и с помощью блокировок.

12 декабря 2017 года Роскомнадзор **заблокировал** по требованию Генпрокуратуры сайт «Открытой России» (openrussia.org), а также ряд других порталов, связанных с Ходорковским: «Вместо Путина», «Ходорковский.ру», «Открытое право», «Команда „Открытой России“» и «Открытый университет». На сайте Роскомнадзора говорилось, что сайт «Открытой России» 11 декабря внесли в реестр запрещенных сайтов на основании статьи 15.3 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Статья позволяет блокировать ресурсы, на которых, по мнению российских властей, содержатся «призывы к массовым беспорядкам и экстремизму» и «информационные материалы» организаций, деятельность которых признана на территории России «нежелательной».

Позже и Генпрокуратура, и Роскомнадзор выпустили заявления, подтверждающие: ресурсы Ходорковского были заблокированы за распространение материалов «нежелательных» организаций. При этом, как **отмечала** тогдашний редактор портала «Открытая Россия» Вероника Куцылло, предупреждение о блокировке 11 декабря редакция получила только по поводу сайта old.openrussia.org — ресурса, на котором хранились старые материалы, опубликованные до 2016 года. Конкретных деталей о связи материалов сайта со статьей 15.3 ФЗ «Об информации» владельцам не передали,

не было и указаний на то, что блокировка грозит другим ресурсам движения.

Требование о блокировке аккаунтов «Открытой России» получили и некоторые соцсети: например, YouTube и Twitter. Видеохостингу YouTube Роскомнадзор и вовсе **пригрозил** полной блокировкой в случае отказа удалить канал «Открытой России».

После блокировки сайт переехал на резервную копию (open-russia.org), некоторое время портал менял «зеркала», но в итоге проект был закрыт, а команда создала новое издание «МБХ медиа». Оно не было зарегистрировано в качестве СМИ и принадлежало лично Михаилу Ходорковскому. Ходорковский **комментировал**: *«Такое решение мы приняли, поскольку по новому „закону“ судебный спор про отмену блокировки сайта может идти почти год, а переходить к иным формам информационного противостояния я буду в случае исчерпания всех возможных методов, предусмотренных „их“ законами»*. А главный редактор сайта Вероника Куцылло говорила, что в течение последних девяти дней перед «переездом» на «МБХ медиа» проекту приходилось менять «зеркала» больше 20 раз — все они по очереди блокировались.

Спустя два месяца, 21 февраля 2018 года, сайт «МБХ медиа» тоже **заблокировал** Роскомнадзор. Произошло это снова по требованию Генпрокуратуры, на основании той же статьи 15.3 ФЗ «Об информации», только на этот раз журналисты не получали никаких уведомлений о предстоящей блокировке. После этого сайт «МБХ медиа» переехал на домен Google appspot.com, и некоторое время существовал там без блокировок.

Новая волна репрессий в интернете коснулась проектов Ходорковского в 2021 году. 4 августа сайты двух медийных проектов олигарха, «Открытые медиа» и «МБХ медиа», **заблокировали** по той же схеме: требование

Генпрокуратуры на основании статьи 15.3 ФЗ «Об информации», конкретнее — за публикацию «информационных материалов» «нежелательных» организаций. Кроме того, распоряжение Роскомнадзора распространялось на ещё один правозащитный проект Ходорковского — «Правозащита Открытки». На следующий день «МБХ медиа» и «Открытые медиа» объявили о закрытии, а «Правозащита Открытки» удалила все записи в своем телеграм-канале. На следующий день Роскомнадзор **заблокировал** сайт премии «Профессия — журналист», также учрежденной Ходорковским.

Комментируя решение закрыться, все три проекта — «МБХ медиа», «Открытые медиа» и «Правозащита Открытки» — ссылались на риски, которые несет для членов редакций и других участников проектов связь с «нежелательными» организациями в том виде, как это понимает Генпрокуратура. Учитывая, что на протяжении трех лет эти проекты работали без подобных ограничений, можно заключить, что блокировки послужили сигналом для участников изданий о потенциальных репрессиях.

БЛОКИРОВКИ ПОСЛЕ 24 ФЕВРАЛЯ 2022 ГОДА

Блокировки и самороспуск СМИ

Сразу после вторжения России в Украину, 24 февраля, Роскомнадзор **проинформировал** СМИ о том, что при освещении «спецоперации» они должны использовать только официальную информацию. За неисполнение ведомство грозило штрафами по статье 13.15 КоАП и блокировкой по статье 15.3 закона «Об информации». Этот документ, как считает Дамир Гайнутдинов, означал радикальные изменения в правоприменении: *«Что принципиально изменилось — это подход к оценке достоверности информации. В пресс-релизе*

Роскомнадзор от 24 февраля сказано, что все, что не подтверждается официальными российскими источниками — а это органы государственной власти и государственные СМИ — все это фейк. И это видно из уведомлений Роскомнадзора, которые ссылаются на требования Генпрокуратуры. Единственный аргумент недостоверности информации — что Минобороны ее не подтверждает... На этом основании выписывается требование к Роскомнадзору, тот шлет его медиа и по умолчанию все блокируется. Причем, если в первые дни эти требования касались конкретных публикаций, то потом они начали указывать не адрес страницы, а доменное имя сайта».

26 февраля Роскомнадзор опубликовал новость об участившихся случаях распространения «недостоверной информации» с угрозой ограничить доступ к материалам **«Эха Москвы»**, **«ИноСМИ»**, **«Медиазоны»**, **«The New Times»**, **«Дождя»**, **«Свободной Прессы»**, **«Крым.Реалии»**, **«Новой газеты»**, **«Журналиста»**, **«Лениздата»**, а также **«Википедии»** (за статью «Вторжение России в Украину»). Согласно формулировке ведомства, на этих ресурсах «под видом достоверных сообщений размещена общественно значимая не соответствующая действительности информация об обстрелах украинских городов и гибели мирных жителей Украины в результате действий Российской Армии, а также материалы, в которых проводимая операция называется нападением, вторжением, либо объявлением войны».

28 февраля были заблокированы: **«Настоящее время»** (из письма Роскомнадзора: «Недостоверная общественно значимая информация о российских военных, якобы убитых и взятых в плен на территории Украины в ходе проводимой Вооруженными силами Российской Федерации специальной военной операции»), сайт **«Крым. Реалии»** («Радіо Свобода»), студенческий журнал

«**Доха**» (за несколько часов до блокировки ведомство потребовало удалить статью «Справочник для антивоенных споров в семье и на работе»), **The New Times** (за статью о федерализации России). В этот же день Роскомнадзор **потребовал** от администрации TikTok *«исключить из рекомендаций для несовершеннолетних любой контент военной или политической направленности»*.

1 марта были заблокированы сайты сразу двух СМИ, которые вскоре прекратили свою деятельность — радиостанции **«Эхо Москвы»** и телеканала **«Дождь»**. Основанием послужила *«целенаправленная и систематическая публикация заведомо ложных сведений о действиях российских военных в рамках специальной операции по защите ДНР и ЛНР»*. 2 марта редакция «Дождя» прекратила свою деятельность, а 2 марта совет директоров «Эха» принял решение о ликвидации радиостанции и сайта, удалив их аккаунты в соцсетях.

С 1-го по 6-е марта с разными обоснованиями («призывы к экстремизму», «недостоверная общественно значимая информация», в том числе «создающая угрозу жизни» и др.) были также заблокированы сайты **«Тайга.Инфо»** (подробнее об этом случае — в главе «Законодательство о блокировках»), **«The Village»** (закрыли офис в Москве и продолжили деятельность из Варшавы), **«Томского агентства ТВ2»** (приостановили деятельность), **«Znak.com»** (приостановили деятельность), **«Медиазона»** (продолжают работу) и **«Медуза»** (продолжают работу). На момент написания доклада известно лишь о двух случаях снятия блокировки — **сайта издания «Сноб»** (редакция удалила все материалы о войне в Украине и отказалась от освещения этой темы), а также **«Новые известия»**. После двух предупреждений от Роскомнадзора «Новая газета», получившая в прошлом году Нобелевскую премию мира, **объявила**, что удаляет все свои материалы о войне в Украине ради безопасности журналистов,

а 28 марта приостановила публикации «до окончания военных действий». После вынужденного отъезда некоторых журналистов издания из-за давления со стороны властей, они объявили о запуске нового проекта «Новая газета. Европа». Это произошло 7 апреля, а уже 29 апреля проект был заблокирован в России.

Можно говорить о том, что к началу марта 2022 года российское информационное поле оказалось практически полностью под контролем государства.

Следует отметить, что Роскомнадзор предоставил требование Генпрокуратуры от 24 февраля, на основании которого было принято решение о блокировке «Медузы», только 20 мая — на судебном заседании, где оно рассматривалось. В документе перечисляются публикации восьми изданий из России, Казахстана, Грузии, Армении и Эстонии, которые, по мнению ведомства, содержат «не соответствующую действительности информацию», а именно — «материалы о якобы нападении Россией на территорию Украины». Однако документе не упоминаются публикации «Медузы» и нет никаких ссылок на это издание, зато там содержится следующая формулировка: «В случае воспроизведения аналогичных материалов на других интернет-ресурсах требую также ограничивать к ним доступ». Такая информация, по версии прокуратуры, «формирует у людей панические настроения, создает предпосылки к массовому нарушению общественного порядка и общественной безопасности». В действительности же это карт-бланш на молниеносную блокировку любых «неудобных» ресурсов.

Ранее Генпрокуратура отказывалась демонстрировать этот документ, заявив, что в нем «содержится информация, разглашение которой может повлечь нарушение прав третьих лиц».

Блокировка зарубежных СМИ

Также в начале марта были заблокированы многие зарубежные СМИ, вещающие на русском языке и на российскую аудиторию: «Голос Америки», «Русская служба ВВС», **Deutsche Welle**, «Радио Свобода» (сюда можно отнести и «Медузу», формально находящуюся в Латвии). Их блокировку Роскомнадзор **объяснил** распространением «фейков по Украине». «Русская служба ВВС», а также **Bloomberg** и **CNN** объявили о приостановке работы в России, «Медуза» продолжает работу.

21 марта был отключен от эфира телеканал Euronews, на следующий день на их частоте запустили вещание государственного канала «Россия 24», а с 7 апреля вместо него начал вещать **новый телеканал** «Соловьев.Live» журналиста Владимира Соловьева (внесен в санкционные списки ЕС за поддержку враждебных действий России против Украины).

Блокировка крупных медиа-платформ

Большинство IT-гигантов, несмотря на свое лояльное поведение по отношению в российским властям в прошлом, отреагировали на вторжение в Украину однозначно негативно. Так, уже 24 февраля **Meta Platforms, Inc**, которой принадлежат соцсети Facebook и Instagram, ограничила официальные аккаунты телеканала «Звезда», информационного агентства «РИА Новости», интернет-площадок «Лента.ру» и «Газета.ру». Кроме того, компания наложила ограничения на поисковую выдачу материалов некоторых российских СМИ, начала маркировать их как недостоверные и помечать грифом о подконтрольности российским государственным структурам. На следующий день, 25 февраля, Генпрокуратура по согласованию с МИД **признала** компанию Meta «причастной к нарушению основополагающих прав и свобод человека, а также прав

и свобод граждан России» и замедлила трафик сетей Facebook и Instagram. 4 марта, в «ночь блокировок», Facebook был полностью **заблокирован** на территории России, 14 марта то же самое произошло с Instagram, а 21 марта вся компания Meta **была признана** экстремистской.

1 марта Роскомнадзор начал снова замедлять **Twitter** (как и большинство других зарубежных платформ, на основании закона № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», или «о цензуре»), а 4 марта заблокировал социальную сеть полностью.

6 марта было **заблокировано** приложение **Zello** — после «*требования прекратить рассылку пользователям сообщений, в которых содержится недостоверная информация о ходе специальной операции Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины*».

Среди крупных социальных сетей, которыми можно беспрепятственно пользоваться на территории России, остались **Telegram** (РКН только **потребовал** от компании удалить аккаунты, с которых российским солдатам приходят запросы на информацию об их местонахождении) и «**ВКонтакте**» (перед блокировкой сети Instagram Роскомнадзор **рекомендовал** пользователям как можно скорее переходить на российские сети, в том числе, «ВКонтакте»).

В отличие от многих IT-гигантов, в России по-прежнему не заблокированы сервисы компании **Google**. При этом, Google постоянно получает угрозы от Роскомнадзора, выплачивает большие штрафы и вывозит своих сотрудников из страны.

1 марта **Google** заблокировал Youtube-каналы RT и Sputnik на территории Европы из-за вторжения

России в Украину, а затем Youtube приостановил в России функции монетизации. То есть, пользоваться Youtube на территории России можно, однако нельзя зарабатывать с его помощью деньги. 10 марта стала недоступной в России платежная система **Google Pay**. Со стороны России был заблокирован только один сервис — **Google Новости**, однако в отношении компании **были введены «меры понуждения информирующего и экономического характера»**. Роскомнадзором был введен запрет на распространение рекламы Google LLC, а другие поисковые системы, в частности, «Яндекс», теперь обязаны маркировать ссылки на сайты Google следующим текстом: *«Роскомнадзором принято решение об информировании пользователей *****, что иностранное лицо, владеющее информационными ресурсами, является нарушителем законодательства Российской Федерации»*.

Тем не менее, компания Google и принадлежащие ей сервисы продолжили блокировку официальных сайтов и каналов России. Так, 9 апреля **YouTube** заблокировал официальный канал Госдумы — как пояснили в Google, «в соответствии с санкциями против России». Как **считает** со-основатель проекта «Роскомсвобода» Артем Козлюк, блокировка Youtube в России — вопрос времени. Однако на момент написания доклада ни Google, ни Youtube в России заблокированы не были.

Помимо российских и зарубежных СМИ, блокировкам подверглись и сайты правозащитных организаций (**«Голос»**, движения **«За права человека»** и **Amnesty International**), а также отдельные страницы оппозиционеров, выступивших против войны (Михаила Ходорковского, Алексея Навального и странички команды Навального, Ильи Яшина, фан-группы Екатерины Шульман и другие).

Также, 30 мая Роскомнадзор по требованию Генпрокуратуры **заблокировал** сайт Правозащитного

центра «Мемориал». Очевидно, что тенденция только продолжится — особенно после вступления в силу закона о «зеркальных блокировках» — пока пространство русскоязычного интернета не будет зачищено полностью.

ТЕХНОЛОГИИ

Система «Ревизор»

С 2012 года, когда поправками в закон «О защите детей» был введен Единый реестр, операторов связи обязали блокировать интернет-ресурсы, внесенные туда Роскомнадзором. Сначала инспекторы ведомства контролировали операторов вручную, но с конца 2015 года Роскомнадзор начал внедрять систему «Ревизор», которая автоматически проверяет, блокирует ли оператор запрещённые сайты. Как *поясняла* газета РБК, *«если система обнаруживает, что оператор обеспечивает доступ более чем к 1% ресурсов из реестра сайтов с противоправным контентом, она отправляет уведомление об этом в Роскомнадзор»*. С 1 декабря 2016 года Роскомнадзор обязал всех российских операторов связи подключать «Ревизор».

Система «Ревизор» только фиксирует нарушения, но не может быть инструментом блокировки сайтов. Для этого после принятия закона «о суверенном рунете» были введены ТСПУ, или «технические средства противодействия угрозам».

ТСПУ, или deep packet inspection (DPI)

ТСПУ — это широкое понятие, куда могут входить самые разные hard- и software. Как *пишет* газета «Коммерсантъ», после выхода закона Минкомсвязи пояснял, что к ТСПУ, среди прочего, относится оборудование DPI (Deep Packet Inspection, глубокая фильтрация трафика). Определять,

какую конкретную систему обязаны устанавливать операторы связи — прерогатива Роскомнадзора.

Задача DPI — фильтрация трафика и ограничение доступа к запрещенным сайтам.

Аналитики Московского центра Карнеги **считают**, что идея использования DPI принадлежит Сергею Кириенко, который является «реальным автором и идеологом закона о суверенном рунете». По их данным, именно Кириенко отвечает в администрации президента за «интернет и все, что с ним связано»; он приложил серьезные усилия для того, чтобы закон о «суверенном рунете» был принят, в том числе добился изменения позиции Минкомсвязи (сначала представители Минкомсвязи были категорически против, но затем поддержали законопроект). До закона о внедрении ТСПУ этими технологиями пользовались крупные корпорации — чтобы ограничить для своих сотрудников возможность использовать в рабочие часы соцсети и другие не относящиеся к их обязанностям ресурсы. Кроме того, DPI — одна из технологий интернет-цензуры, которую на национальном уровне использует Китай.

По словам неназванного представителя Роскомнадзора, которого **цитирует** РБК, к началу апреля 2020 года «через оборудование ТСПУ проходит 100% мобильного трафика и почти 60% широкополосного фиксированного трафика», то есть около 80% операторов установили эти системы. В мае 2021 года глава Роскомнадзора Андрей Липов **в интервью газете «Коммерсантъ»** рассказал, что с помощью ТСПУ предотвращено уже более 421 млн попыток доступа к «запрещенной информации».

За два года до вступления в силу закона о «суверенном рунете» Роскомнадзор **тестировал** в качестве ТСПУ оборудование EcoFilter производства компании RDP.ru (принадлежит «Ростелекому») на сетях Уральского федерального округа. Авторы ресурса Habr.com **считают**,

что в основном в качестве ТСПУ в России устанавливают именно **эти устройства**. *«Эта система, — пишут они, — анализирует весь интернет-трафик (пакеты) пользователей по ряду параметров и решает, пропустить его (по умолчанию), ограничить скорость (правила для Twitter и может Google) или заблокировать (для запрещенных сайтов). Настраивают и управляют элементами ТСПУ только специалисты РКН».*

При этом эксперты **сходятся во мнении**, что установить ТСПУ на 100% интернета технически невозможно, так как очертания сети все время меняются. Они также считают, что эта технология никак не защищает от внешних угроз, и «суверенный рунет», как комментирует сайту «РБК» директор Общества защиты интернета Михаил Климарев, создается исключительно «для цензуры, подавления инакомыслия и экономического давления на интернет-корпорации». Эксперты также отмечали, что ТСПУ — очень дорогостоящая технология; к тому же, её массовое использование может привести к большим сбоям в сетях. Так, гендиректор провайдера Diphost Филипп Кулин **комментирует** для «РБК»: *«Стоимость будет космической, и при аномальных нагрузках все равно могут возникать различные задержки. Я утверждаю, что просто анализировать абсолютно весь проходящий трафик не по карману сейчас никому».*

В отличие от СОРМ-2 и СОРМ-3, технологии DPI позволяют фактически отрезать запрещенные ресурсы от сети, которой управляет оператор связи. При этом система может отличить пакет трафика одной платформы или приложения от других (например, Telegram от Facebook), но не видит содержимого этого пакета. Как **пишут** эксперты проекта «Роскомсвобода», «прочитать содержимое зашифрованных пакетов нельзя, но по метаданным можно понять, какие сайты смотрит пользователь и, в большинстве случаев, какой протокол обмена данными он использует».

Одним из первых опытов применения ТСПУ в России стало замедление Twitter в марте 2021 года (подробный разбор технологий дается в докладе Censored Planet «[Throttling of Twitter in Russia](#)». Роскомнадзор открыто комментировал эти меры как «тестирование» системы. Замедление повлекло за собой большие сбои других служб и платформ, включая государственные сайты. В июле 2021 года Роскомнадзор также с помощью DPI [заблокировал](#) сайты Алексея Навального и его команды. По мнению экспертов, это была первая блокировка домена с помощью ТСПУ.

Искусственный интеллект, автоматические системы и контент-анализ

Для того, чтобы выявлять запрещённый контент в массовом порядке, Роскомнадзор и другие ведомства уже не первый год заказывают и покупают системы автоматического поиска — по ключевым словам, изображениям, видео и аудио. Об использовании «нейросетей и проектов, связанных с искусственным интеллектом» для повышения эффективности мониторинга публикаций в соцсетях и сервисах глава Роскомнадзора Андрей Липатов [рассказал](#) в интервью газете «Коммерсантъ» в мае 2021 года: *«Очевидно, что, когда речь идет о миллиардах сообщений, принимать решения вручную невозможно. После первичного мониторинга только часть сообщений будет поступать операторам. Сейчас мы прогнозируем, что к концу года в 14 раз увеличится объем информации, которую смогут проанализировать наши сотрудники. Решение о блокировке принимается полномочными сотрудниками, после чего данные передаются в формате реестра операторам связи»*. Липатов также пояснил, что значительную часть разработок ведомство создаёт самостоятельно — на базе ГРЧЦ (Главного радиочастотного центра) создан научный совет, в который

«позвали ведущих игроков российского рынка в области искусственного интеллекта». Остальное заказывается у сторонних разработчиков. *«Мы пытаемся сделать модульную систему, — говорит Липатов, — Чтобы было проще развивать, использовать разные подсистемы для разных целей. Какие-то кубики заказываем у российских разработчиков, потому что так быстрее и надежнее: они всегда обеспечивают нам должный уровень поддержки».*

По словам эксперта проекта «Сетевые свободы» Станислава Селезнева, *«учитывая количество материалов, которые блокируются каждым ведомством, все чаще и чаще это происходит в автоматизированном режиме».* Для этого используются автономные информационные системы, как, например, АИС «Поиск», которые вылавливают материалы по ключевым словам или изображениям. *«Есть разработки, связанные с анализом видео и аудио в разных сервисах, — говорит Селезнев. — Если посмотреть госзакупки или реестры ПО, допущенного для применения госуслугами, там будет много систем для поиска запрещенного контента. Те самые „киберказаки“ все реже скроллят ленту какого-нибудь оппозиционера, потому что у них есть система с удобным интерфейсом, в которую они загружают придуманные ими слова. Существует конкуренция среди IT разработчиков, работающих для и в интересах запрещения распространения информации, на поиск запрещенного контента».*

Другая известная специалистам система — «**Демон Лапласа**» — создана не по заказу властей, а по инициативе ее разработчика, основателя НКО «Центр исследования легитимности и политического протеста» Евгения Венедиктова. По его словам, она отличается от обычных систем поиска по ключевым словам и может анализировать не только отдельные посты, но и в целом отмечать «протестные настроения». До 2017 года Центр все еще ждал потенциальных заказчиков, среди которых,

по мнению Венедиктова, должны были быть не только ученые, но и госструктуры, включая силовые ведомства, и проводил собственные мониторинги, но не всего трафика, а отдельных его групп. Как **сказал** Венедиктов в интервью газете «Известия», «подвергаться мониторингу будут три вида групп: политически ориентированные, группы социального протеста и местные дискуссионные площадки, объединяющие пользователей по географическому принципу». По **данным** прессы, к 2018 году Венедиктов стал подрядчиком МВД.

За 2020–2021 годы, согласно **докладу** «Роскомсвободы» о государственных закупках для целей

слежения и мониторинга поведения, на тендеры было потрачено не менее **5,6 млрд** рублей, из которых не менее **620 млн** рублей ушло на закупки, связанные с мониторингом соцсетей и СМИ, а еще **580 млн** рублей — конкретно на разработку систем мониторинга и слежения для МВД, Роскомнадзора, Центра «Э» и других ведомств.

Блокировка доступа к VPN

Юридическую основу блокировки сервисов VPN заложил закон **276-ФЗ**, обязывающий поставщиков VPN-услуг подключаться к федеральной государственной информационной системе (ФГИС), которая находится в ведении Роскомнадзора. Система содержит список запрещенных ресурсов, которые VPN-сервис также должен блокировать. По **информации проекта «Роскомсвобода»**, в 2019 году сервисы отказались от регистрации в системе.

В 2021 году, после внедрения системы ТСПУ, подчиненной Роскомнадзору, появилась техническая возможность блокировки VPN-сервисов. В июне 2021 впервые было запрещено использование отдельных VPN-сервисов на основании их отказа от регистрации. В результате

OperaVPN (браузерное расширение) ушел из России, а Google согласился удалить из выдачи сотни тысяч ссылок на другие VPN-сервисы. Первая попытка ограничить доступ к VPN произошла в сентябре 2021 года — в преддверии выборов в Госдуму и после блокировки (с помощью ТСПУ) ресурсов, связанных с Навальным. С тех пор Роскомнадзор регулярно блокирует VPN-сервисы, а также VPN-протоколы (отчего страдают другие сервисы — например, стриминговые видео, онлайн-игры и т. п.). Эксперты «Роскомсвободы» считают, что полностью заблокировать доступ к VPN будет невозможно, но для обхода блокировок потребуется много «ручного труда». Вероятно, при дальнейших блокировках свободно пользоваться «запрещёнными» интернет-ресурсами смогут только профессиональные работники IT-сферы.

После 24 февраля 2022 года, когда начали массово блокировать общественно-политические СМИ, VPN-сервисы и анонимайзеры стали единственной возможностью получить доступ к информации.

По подсчетам мобильного оператора Yota, с начала года число пользователей VPN-сервисов в России выросло в 53,5 раза. В феврале и марте в российском App Store 8 из 10 скачиваний приходилось на VPN-приложения.

Несмотря на резко возросшую популярность VPN, большое количество интернет-пользователей в России после массовых блокировок не имеют доступа к информации. Можно предположить, что это более консервативная часть аудитории и для нее альтернативная новостная картина остается недоступной. С учетом растущей самоцензуры сервис «Яндекс. Новости» который с начала войны **выдает** более 70% ссылок на медиа, связанные с государством, — доступных источников негосударственных новостей практически не остается.

В конце мая 2022 года «Роскомсвобода» **подписала** открытое письмо крупной некоммерческой организации по защите цифровых прав Access Now, в котором призвала не накладывать санкции в отношении России и Беларуси на программное обеспечение, оборудование, технологии и услуги, связанные с обменом информацией через интернет. По мнению активистов и правозащитников, «санкции только ускорят наступление „суверенного рунета“», поскольку лишь усиливают позицию государства по ограничению доступа к информации. Аналогичное письмо, адресованное президенту США Джо Байдену, **подписали** также 35 правозащитных организаций из разных стран, включая Россию и Беларусь.

Глобальные платформы также озаботились доступом к информации для жителей России. Так, Twitter совместно с Tor **разработали** технологию обхода блокировок, а компания Windscribe **утроила** пропускную способность и предоставляет пользователям в России бесплатный доступ, поскольку они не имеют возможности платить за сервис. Кроме того, они же **предоставили** россиянам промокоды «PEACE» и «pizdets», по которым можно получить 30 гигабайт в месяц. Компания ProtonVPN **предлагает** бесплатную подписку для россиян, белорусов и украинцев — для этого нужно написать в техподдержку сервиса.

БЛОКИРОВКИ И ГРАЖДАНСКИЕ СВОБОДЫ

Свобода выражения мнения в контексте блокировок

Интернет обеспечивает беспрецедентную платформу для осуществления свободы выражения мнений. Учитывая его доступность и способность хранить и передавать

огромные объемы информации, интернет играет важную роль в качестве инструмента для расширения доступа общественности к новостям и облегчении распространения информации в целом.

Право человека на свободу выражения мнения, включающее и выражение мнения онлайн, закреплено в статье 10 Европейской Конвенции и статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах. Несмотря на то, что это право не является абсолютным, его можно ограничить только при строгом соблюдении следующих условий: ограничение права должно 1) быть основано на четком и предсказуемом законе, 2) преследовать законную цель и 3) быть необходимым в демократическом обществе, пропорциональным.

По общему правилу, если мнение затрагивает вопросы, представляющие общественный интерес, **содержит критику** государственной политики и общественных деятелей — оно подлежит наибольшей степени защиты, а у государства должно быть меньше законных способов ограничить выражение этого мнения. Так, Европейский суд по правам человека указывал, что политическая журналистика может даже **включать «некоторую степень преувеличения или даже провокации»**. **Комитет ООН по правам человека** и специальные докладчики подчеркивали, что блокирование онлайн-СМИ или веб-сайтов из-за того, что они критикуют правительство или политическую систему, не может считаться необходимым ограничением свободы выражения мнений.

В 2011 году четыре представителя межправительственных органов по защите свободы СМИ и выражения мнения (ООН, ОБСЕ, Организация американских государств и Африканская комиссия по правам человека и народов) выпустили совместную **Декларацию о свободе выражения мнения в интернете**. В разделе 3 «Фильтрация

и блокирование» закрепляется, что принудительное блокирование интернет-ресурсов любого уровня — от отдельной страницы до протокола — является крайней мерой, которая может быть оправдана *«лишь при соответствии таких действий международным нормам, например в случаях, когда необходимо защитить детей от сексуального насилия»* (с. 88).

Совет по правам человека ООН тоже осуждал использование государствами отключений интернета для преднамеренного и произвольного предотвращения доступа к информации. Совет также призывал государства воздерживаться от цензуры и блокировок публикаций и СМИ.

В мае 2022 года ООН, Африканская комиссия по правам человека, Межамериканская комиссия по правам человека и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе **заявляли**, что даже с дезинформацией нельзя бороться путем блокировки или запрета средств массовой информации. Любое ограничение свободы выражения мнений должно строго соответствовать трем критериям — законности, законной цели, необходимости и пропорциональности.

В свою очередь, Европейский суд в своей практике, включающей несколько дел против России, выработал основные принципы, которыми государства должны руководствоваться в вопросе блокировок информации в интернете.

Во-первых, несмотря на то, что сами по себе блокировки сайтов или публикаций в интернете не являются незаконными, они могут осуществляться только на основе четкого и понятного закона, который бы явно указывал на то, какая информация является запрещенной и может быть заблокирована. Авторы публикаций должны иметь возможность **ясно понимать**, какую информацию они могут распространять, а какую — нет.

Во-вторых, чтобы ограничение информации преследовало законную цель и было пропорциональным, блокировка должна быть избирательной, узконаправленной. Неизбирательные блокировки запрещаются. Это значит, что блокироваться может только конкретный контент, который является запрещенным, блокирование всего ресурса из-за одной публикации не допускается, поскольку это привело бы к чрезмерному сопутствующему ущербу. Неизбирательные блокировки являются произвольными блокировками.

В этой связи, Европейский суд установил в **нескольких делах**, что полная блокировка веб-сайта является **крайней** мерой, которая, по мнению Комитета по правам человека ООН и других международных органов, равнозначна полному закрытию печатного издательства.

В-третьих, автор информации должен обладать процессуальными гарантиями, не позволяющими допустить злоупотребление её/его правами. В частности, автора информации должны уведомлять о блокировке контента с указанием на причины блокировки. Автору должен быть предоставлен выбор: удалить информацию или оставить, в противном случае его право на свободу выражения мнения будет нарушено. Кроме того, автор должен иметь возможность предоставить в суде свои аргументы относительно законности распространяемой им информации **перед** блокировкой. Именно суд может надлежащим образом оценить, является ли ограничение права на свободу выражения мнения необходимым и пропорциональным и были ли доступны альтернативные и менее ограничительные меры, позволяющие достичь законной цели.

Более того, Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), заключения которой учитываются Европейским Судом, **подчеркивала**, что временное прекращение деятельности СМИ возможно

лишь в случае повторной публикации информации, которая не только является незаконной, но и прямо призывает к противоправному насилию в отношении личности или групп, к насильственному свержению конституционного строя. Венецианская комиссия также **отмечала**, что решение о блокировке должен принимать суд, а не административные органы.

Европейский суд уже неоднократно анализировал российское законодательство о блокировках и сделал вывод о его несоответствии международным стандартам. Например, в 2020 году Европейский суд рассмотрел в один день 4 дела, во всех случаях признав, что блокировки нарушают права заявителей на свободу выражения мнения.

В деле «Владимир Харитонов против России» было установлено, что статья 15.1 Закона об информации позволяет властям блокировать весь веб-сайт без проведения различия между законным и незаконным содержанием. Положение закона, предоставляющее исполнительному органу столь широкую свободу действий, несет в себе риск произвольной и чрезмерной блокировки информации. Европейский суд установил, что блокировка сайта заявителя на основании этой статьи нарушила его право на свободу выражения мнения.

В деле «Энгельс против России», касающемся блокировки страницы сайта «Роскомсвободы», Европейский суд пришел к выводу, что подпункт 2 части 5 статьи 15.1 Закона об информации, позволяющий блокировать «запрещенную» информацию по решению суда, не отвечает критериям «качественного» закона. Суд отметил, что расплывчатая и чрезмерно широкая формулировка положения не удовлетворяет требованию предсказуемости закона. Данная норма не дает владельцам веб-сайтов возможности регулировать свое поведение, поскольку они не могут заранее знать, какой

контент могут назвать запрещенным, что приведет к блокировке всего их веб-сайта. Кроме того, суд посчитал, что нельзя запрещать содержательно нейтральные технологии распространения информации, например VPN, только на том основании, что они теоретически могут использоваться для получения доступа к запрещенной информации.

В деле «Булгаков против России» Европейский суд установил, что часть 6 статьи 10 Закона об информации, позволяющая блокировать информацию, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность, на самом деле не предусматривает возможность блокировки всего сайта из-за отдельного «запрещенного» контента. В силу этого блокировка целого сайта заявителя на основании этой нормы не была законной. Кроме того, Европейский суд добавил, что в нарушение международных стандартов данный закон не предусматривает требования коммуникации решения о блокировке автору «запрещённого» контента.

Наконец, в деле «Флавус и другие против России» рассматривался вопрос о блокировке ресурсов «Грани.ру» и Ежедневный Журнал», публиковавших информацию о «Болотном деле», и сайта «Каспаров.ру», разместившего публикацию о Крыме. Европейский суд установил, что формулировка части 1 статьи 15.3 Закона об информации, позволяющая **во внесудебном порядке** блокировать информацию, содержащую призывы к участию в «массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка», слишком широкая и неопределенная. Она позволяет Генеральному прокурору выносить постановление о блокировании информации о мероприятии, совершенном при любом нарушении порядка его проведения, каким бы незначительным или безобидным оно ни было, без установления риска серьезных беспорядков или какого-

либо реального нарушения прав других лиц. Кроме того, данный закон не требует от властей проводить оценку воздействия мер по блокировке на свободу выражения мнения до их реализации или обосновывать срочность их немедленного применения, не давая заинтересованным сторонам возможности удалить незаконный контент или обратиться в суд до непосредственной блокировки.

Статья 15.3 не предоставляет владельцам онлайн-СМИ каких-либо процессуальных гарантий, способных защитить их от произвольного вмешательства со стороны властей. Она не требует какой-либо формы участия владельцев сайтов в процедуре блокировки. Суд также отметил, что Закон об информации не требует от властей обосновывать необходимость и соразмерность вмешательства в свободу выражения мнений в интернете или рассматривать вопрос о том, можно ли добиться того же результата менее интрузивными средствами. Закон также не требует от них подтверждения того, что мера блокировки направлена строго против незаконного контента и не имеет произвольных или чрезмерных последствий, например, ограничения доступа ко всему веб-сайту, где был размещён спорный контент. Суд пришел к выводу, что блокировка сайтов заявителей — чрезмерная и произвольная мера, нарушившая право заявителей на свободу выражения мнения.

Статья 15.3 Закона об информации также ранее рассматривалась в деле «Каблис против России», и уже в 2019 году Европейский суд посчитал это положение недостаточно предсказуемым, а его применение произвольным, что не соответствует статье 10 Европейской конвенции. Суд подчеркнул, что широта полномочий исполнительной власти такова, что оспорить меры по блокировке в судебном порядке становится по меньшей мере трудно, а то и вообще невозможно. В делах, касающихся блокировок публикаций, призывающих к участию в публичном мероприятии,

должна быть предусмотрена возможность добиться судебного пересмотра блокировки до даты проведения этого публичного мероприятия. Заблокированная информация после этой даты теряет какую-либо ценность и интерес, и поэтому отмена меры блокировки в судебном порядке на этой стадии будет бессмысленной.

Кроме того, во всех делах Европейский суд пришел к выводу, что российское законодательство о блокировках не предусматривает эффективные средства правовой защиты от злоупотребления властью, что нарушает статью 13 Европейской конвенции.

Таким образом, уже в 2019–2020 годах было очевидно, что Закон об информации, позволяющий блокировать информацию в судебном и во внесудебном порядке, не соответствует международным стандартам. Однако закон так и не был изменен для того, чтобы обеспечить защиту права каждого на выражение мнения.

Напротив, в законодательство продолжают вноситься поправки, еще больше ограничивающие права человека. Например, согласно **последним поправкам** в статью 15.3 Закона об информации, внесудебной блокировке теперь подлежит информация, содержащая не только «призывы к массовым беспорядкам и осуществлению экстремистской деятельности», но и «обоснование и (или) оправдание осуществления экстремистской деятельности, включая террористическую деятельность». В законе не проясняется, какие действия могут считаться «обоснованием» такой деятельности, что делает статью 15.3 еще более неопределенной, чем прежде, и открывает новые возможности для злоупотребления со стороны властей.

С начала войны статья 15.3 стала для властей главным **механизмом цензуры** и борьбы с распространением альтернативных точек зрения о действиях российских войск на территории Украины. На основании этой статьи

были заблокированы тысячи сайтов, включая все основные независимые СМИ и страницы правозащитников в социальных сетях. Практика показала, что данная статья дает возможность без вмешательства суда незамедлительно блокировать выражение любой антивоенной позиции, что предоставляет властям неограниченные ресурсы по борьбе с оппозицией, независимой журналистикой и иными «неудобными» лицами. Такое произвольное применение «некачественного» закона фактически полностью лишает граждан их прав на свободу выражение мнения.

Данная практика широко критиковалась международным сообществом. Так, 2 мая 2022 года наблюдатели за свободой выражения мнений и свободой СМИ от Организации Объединенных Наций, Африканской комиссии по правам человека, Межамериканской комиссии по правам человека и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе **опубликовали** совместное заявление о важности защиты свободы выражения мнения в контексте войны в Украине, подчеркнув в нем «неприемлемость блокировки независимых СМИ с целью борьбы „с фейковой информацией“».

А 19 мая был **опубликован** доклад Уполномоченной по вопросам свободы СМИ в ОБСЕ Терезы Рибейро, в котором она подняла вопрос о ситуации со свободой СМИ в Российской Федерации. Рибейро подчеркнула, что в этот отчетный период (с 25 ноября 2021 года) произошло самое жесткое за последние 25 лет подавление свободы слова и свободы СМИ.

Кроме того, Европейский суд по правам человека в соответствии с правилом 39 принял **решение** о применении срочной обеспечительной меры по делу «**„Новая газета“ и другие против России**». Суд предписал российским властям воздержаться до особого

распоряжения от действий и решений, направленных на полную блокировку и прекращение деятельности «Новой газеты», а также от иных действий, которые в сложившихся обстоятельствах могут лишить «Новую газету» права на свобода выражения мнения. Тем не менее, давление продолжалось и редакция «Новой газеты» приостановила свою деятельность в России.

Наряду с блокировками со стороны властей, с начала войны возросла самоцензура. Например, многие лица, публично выразившие в интернете несогласие со «спецоперацией», сами удалили свои публикации, узнав о привлечении к ответственности по статье 20.3.3 КоАП РФ «за дискредитацию использования вооруженных сил РФ». Известно как минимум о 191 деле (примерно в 26 из них авторы сами удалили информацию), возбуждённом российскими правоохранительными органами за антивоенные публикации, репосты, комментарии, фото и видео, содержащие, например:

- фото с надписью «НЕТ ВОЙНЕ»;
- комментарии об убийстве мирных жителей в Украине;
- картинки с надписью «Я ПРОТИВ НАПАДЕНИЯ НА УКРАИНУ»;
- комментарий, что российские военные ведут у в Украине войну, а не «специальную военную операцию»;
- комментарий о возможном дефолте и использовании ядерного оружия;
- пост о том, что российская армия сбрасывает бомбы и ракеты на территорию Украины.

В некоторых случаях материалы удалялись администрацией социальных сетей, однако скоро

и у властей могут появиться полномочия по блокировке такого контента.

Законопроекты, внесенные в Государственную Думу в апреле 2022 года, предусматривают новые основания для внесудебных блокировок. Так, информационные ресурсы иностранных агентов (в случае нарушения обязательств иностранных агентов), а также информация, содержащая «фейки» или «дискредитацию использования вооруженных сил», либо «фейки» или «дискредитацию исполнения полномочий госорганов за рубежом», а также призывы к санкциям, могут быть заблокированы исполнительным органом без решения суда, что продолжает репрессивную тенденцию.

Формулировки этих новых оснований для блокировок не отстают от уже существующих формулировок по своей широте и неопределенности. Эти поправки, если они будут приняты, еще сильнее ограничат уже и так чрезмерно ограниченное право граждан на свободу выражения мнения, так и не предоставив эффективных средств защиты от злоупотребления со стороны властей. Больше всего эти поправки коснутся представителей гражданского населения, выступающих против войны в Украине, а также разного рода правозащитных проектов и оппозиции.

Стандарты прав человека по свободе мирных собраний

Важно отметить связь между свободой собраний и свободой выражения мнения, как сделал и ЕСПЧ в деле «[Эзелин против Франции](#)». Суд признал, что свобода мирных собраний и свобода выражения мнений на практике часто тесно связаны. Ограничения на собрания могут автоматически затрагивать право отдельных лиц или групп выражать свое мнение по тому или иному вопросу. Особенно тесной эта связь

проявляется в интернете. Доступ к интернету и социальным сетям стал важным аспектом для организаторов мирных собраний, их участников, а также наблюдателей и правозащитников. Блокировки ресурсов или иное усложнение доступа к ним ограничивают право на свободу высказываний организаторов и участников собраний.

Право на свободу мирных собраний закреплено в статье 21 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в статье 11 Европейской конвенции по правам человека. Мирные собрания играют важнейшую роль в обеспечении возможности распространять идеи в обществе и получать реакцию на них. Несоблюдение и необеспечение права на мирные собрания, как правило, является признаком репрессий.

В обязательства государства по защите права на мирные собрания входит **презумпция в пользу мирного характера собраний**. В деле «Христианско-демократическая народная партия против Молдовы» ЕСПЧ пришел к выводу, что все собрания должны считаться мирными при отсутствии убедительных доказательств того, что организаторы и/или значительное число участников намерены проявлять насилие или подстрекать к нему. В этой связи у государств есть **обязанность различать мирных и немирных участников собраний**. К требованиям к государству в этой сфере также относится позитивная обязанность содействовать и защищать осуществление права на свободу мирных собраний. Это подчеркнул и Европейский суд в деле «Гюн и другие против Турции». Соответственно, блокировка или запрет на распространение информации о собрании могут быть признаны законным только когда в такой информации содержатся открытые призывы к насилию на собраниях.

Также, одно из актуальных для антивоенных протестов требований – **защита права на спонтанные собрания**. Появление новых технологий значительно расширило возможности спонтанных собраний, и государствам их **следует** рассматривать как ожидаемую (а не исключительную) черту здоровой демократии. ЕСПЧ в деле «**Букта и другие против Венгрии**» отметил, что государством должны быть приняты все разумные меры для защиты спонтанных собраний так же, как и собраний, запланированных заранее.

Руководящие принципы по свободе собраний ОБСЕ отмечают, какие особенности законодательство о собраниях, митингах и демонстрациях обязательно должно иметь:

- Точность. Государства должны обеспечить, чтобы законодательные положения, касающиеся свободы мирных собраний, часто содержащиеся в ряде различных законов, были четкими, доступными общественности и согласовывались друг с другом. Это требование также отмечал и ЕСПЧ в деле «**Веренцов против Украины**»;
- Ясность в отношении мандата и процедур лиц, принимающих решения;
- Предсказуемость. ЕСПЧ отметил, что требование о том, чтобы любые ограничения на собрания были «предусмотрены законом», не только подразумевает, что ограничение должно иметь четкую основу во внутреннем законодательстве, но также относится и к качеству рассматриваемого закона;
- Консультативный подход — опора на мнение и опыт гражданского общества;
- Периодический обзор и обновление.

В свою очередь, практика привлечения к ответственности за публикации о собраниях, а также блокировки интернет-ресурсов, которые распространяют информацию о несогласованных публичных мероприятиях, отдельно отмечена в международном праве как незаконная. Интернет

и технологии играют все более важную роль в осуществлении права на свободу мирных собраний, и трудно представить собрание, в котором не использовалась бы та или иная форма интернета. В Замечании общего порядка отмечается, что статья 21 и связанные с ней права защищают участников не только во время собрания и в месте его проведения. Охватываются также сопутствующие мероприятия, такие как мобилизация ресурсов участниками или организаторами, планирование, распространение информации о предстоящем мероприятии, подготовка к мероприятию и поездка на него, общение между участниками до и во время собрания, трансляция собрания и уход с собрания после его окончания.

Тесная связь свободы собраний и свободы интернета также отмечается и в Руководящих принципах ОБСЕ, которые выделяют несколько важных пунктов, касающихся этой темы.

Особенно важной в контексте защиты свободы собраний является свобода планирования, подготовки и публикации информации о собраниях. Организаторы имеют право заблаговременно публиковать и распространять информацию о проведении собрания как онлайн, так и офлайн. Как отметил КПЧ ООН в деле «Тульженкова против Беларуси», веб-сайты и другие электронные средства, используемые для рекламы и информирования о собрании, не должны ограничиваться или блокироваться. Любые попытки сделать это **обычно** представляют собой нарушение права на свободу собраний.

Государства обязаны проявлять особую осторожность при любом ограничении доступа к интернету. Нельзя исключать, что любое вмешательство в свободу выражения мнений и свободу собраний в интернете, например, путем блокировки, фильтрации, замедления или закрытия интернет-сервисов, может представлять собой несоразмерное вмешательство в осуществление этих прав.

Также Руководящие принципы напоминают о том, что все международные конвенции распространяют своё действие и на события, происходящие онлайн, особенно учитывая возрастающую важность интернета и социальных сетей для мобилизации собраний.

Подчеркивается и ответственность за предоставление безбарьерного доступа в интернет. Расширение доступа к интернету является одним из способов, с помощью которого государства могут частично выполнять свою обязанность по содействию проведению собраний, и такой доступ во все большей степени становится правом.

В документах Совета Европы и Организации Объединенных Наций содержится призыв к «применению основанного на правах человека подхода к предоставлению и расширению доступа к интернету» и подчеркивается основополагающий характер доступа в интернет как канала для осуществления прав и свобод человека. В некоторых консультативных документах ООН также упоминается (но не определяется) идея и характер этого нового «правозащитного пространства» в контексте собраний.

Замечание Общего порядка подтверждает эту точку зрения, отмечая, что государства не должны, например, блокировать подключение к интернету или создавать помехи в связи с мирными собраниями.

К сожалению, российское законодательство по свободе собраний не соответствует этим международным

стандартам. В частности, можно отметить его сложность, многоуровневость и противоречивость, наличие большого количества пробелов. Всё это создает дополнительные преграды организаторам собраний, которые не всегда могут быстро и точно убедиться в законности даже анонса мирного собрания.

В частности, российское законодательство не предусматривает законной возможности проведения спонтанного собрания. Любое публичное мероприятие должно быть заранее согласовано с властями. При этом установленные законом о митингах сроки согласования ограничены несколькими днями: в зависимости от формата мероприятия, подать уведомление можно не ранее чем за 15 или за 10 дней до акции. На практике процедура согласования часто затягивается или же власти отвечают отказом (см. «[Искусство запрещать](#)»), ситуация только усугубилась из-за введения региональных ограничений на проведение акций на фоне пандемии COVID-19. «Несогласованный» статус собрания приводит к целому ряду негативных последствий — от пресечения мероприятия и преследования его участников и предполагаемых организаторов до запрета на распространение информации о таких акциях, в том числе через интернет.

Во многом благодаря такому состоянию законодательства ещё с 2018 года существует практика привлечения авторов публикаций в социальных сетях к ответственности за «организацию несогласованных акций». Риск блокировок также затрудняет информирование потенциальных участников и в целом привлечение общественного внимания к теме мероприятия, а также способствует распространению самоцензуры в СМИ: писать об акциях становится опасно. Даже репост видео или публикации с призывом выйти на митинг ещё до войны становился поводом для привлечения автора такого репоста к ответственности. В статье 20.2 КоАП,

на которую ссылаются и Роскомнадзор, и Генпрокуратура, ничего не говорится о «призывах» и наказаниях за них — запреты на распространение информации в интернете содержатся в основном в законе «Об информации». Однако в судебной практике публикация информации о несогласованных акциях часто приравнивается к их организации. Анонсы акций становились поводом для арестов накануне их проведения, а также для возбуждения уголовных дел. У ряда людей, ставших фигурантами дел о неоднократном нарушении порядка проведения публичных мероприятий (статья 212.1 УК), высказывания в соцсетях попадают в материалы дела.

Законодательная основа для блокировки интернет-ресурсов, которые распространяют информацию о несогласованных публичных мероприятиях, появилась ещё в 2014 году, когда вступил в силу «закон Лугового». Статья 15.3 закона «Об информации» включала перечень «запрещенной информации», где мирные акции, не согласованные заранее с властями, были поставлены в один ряд с «массовыми беспорядками» и «экстремистской деятельностью». В стратегии **противодействия экстремизму** в РФ до 2025 года «несогласованные публичные мероприятия» занимают заметное место и упоминаются многократно. Например, в пункте о «наиболее опасных проявлениях экстремизма» наряду с подготовкой и совершением террористических актов указана и *«организация и проведение несогласованных публичных мероприятий (включая протестные акции), массовых беспорядков»*. Поскольку не объясняется, что именно следует считать такими «призывами», на практике информацией, подлежащей немедленной внесудебной блокировке, могут быть любые сведения о коллективных акциях, не согласованных с властями.

Закон начали использовать уже через несколько месяцев после его вступления в силу. Перед вынесением приговора

по резонансному «Болотному делу» в марте 2014 года были полностью заблокированы сайты трех независимых СМИ: «Грани.ру», «Ежедневный журнал» и «Каспаров.ру», а также блог Алексея Навального на платформе LiveJournal. При обжаловании блокировок в суде выяснилось, что они были связаны с публикациями о несогласованных акциях. Добиться отмены блокировок через российские суды не удалось, издания обратились в ЕСПЧ. Летом 2014 года Роскомнадзор под угрозой блокировки добился удаления материала о предстоящем «Марше за федерализацию Сибири» (опубликованного до возможного срока начала согласования). Группа марша во «ВКонтакте» была заблокирована, а СМИ, написавшим о блокировке, вынесли предупреждения. В декабре того же года заблокировали группы в соцсетях, посвященные акции в поддержку Алексея и Олега Навальных (организаторы также еще не имели законной возможности подать уведомление).

В течение следующих лет количество блокировок за «призывы к участию в массовых мероприятиях» стремительно росло.

В декабре 2020 года в скоростном режиме приняты **поправки** к закону «Об информации»: владельцев соцсетей обязали мониторить и ограничивать доступ к запрещенной информации, в том числе, «содержащей призывы к <...> участию в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка» и «информации, направленной на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных лиц». За неисполнение этого требования вводилась административная ответственность — поправки вступили в силу 10 января и уже через две недели их начали применять.

Борьба с распространением в соцсетях и СМИ информации об акциях активизировалась на фоне массовых протестов января 2021 года. Тогда в ход пошли все принятые к тому моменту законы и запреты на распространение информации, угрозы блокировок и административные штрафы, а также одновременное давление на СМИ, соцсети и пользователей.

Перед первой масштабной акцией в поддержку Алексея Навального в январе 2021 Генпрокуратура **объявила** о мерах прокурорского реагирования после «*выявления призывов к участию 23 января 2021 г. в незаконных массовых мероприятиях*».

Роскомнадзор **разослал** владельцам социальных сетей предупреждение о том, что они будут оштрафованы по статье 13.41 КоАП и упомянул сразу несколько положений законодательства, которые, по мнению ведомства, будут нарушены в случае распространения информации о протестах: «привлечение несовершеннолетних к участию в несанкционированных массовых (публичных) мероприятиях <...> в том числе в условиях пандемии, несет в себе риски нанесения вреда жизни и здоровью». Также в день протестной акции 31 января ведомство **заявило**: *«На основании требований Генеральной прокуратуры и Роскомнадзора администрации соцсетей блокируют доступ к ложной информации, с завышенными показателями о количестве участников незаконных митингов, о якобы имевших место фактах насилия и столкновений, гибели участников акций»*.

Многие соцсети заблокировали страницы и аккаунты с запрещенной информацией о протестах — «ВКонтакте» **заблокировал** десятки страниц, посвященных мероприятию в разных регионах, о блокировке соцсетей TikTok и Instagram 22 января **отчитался** Роскомнадзор. Через несколько дней после протестов РКН **выпустил**

новое предупреждение: «За неисполнение требований о пресечении распространения призывов к несовершеннолетним участвовать в несанкционированных митингах 23 января будут оштрафованы социальные сети Facebook, Instagram, Twitter, TikTok, „ВКонтакте“, „Одноклассники“, а также видеохостинг YouTube. Несмотря на требование Генпрокуратуры и уведомление Роскомнадзора эти интернет-платформы не удалили своевременно в общей сложности 170 противоправных призывов».

Перед **акцией с фонариками** 14 февраля Роскомнадзор **давил** на СМИ, добиваясь удаления новостей о предстоящих мероприятиях, которые приравнивались к призывам к «участию в мероприятиях, проходящих с нарушениями установленного порядка». Один из сайтов — издания «Спектр» — все же был **заблокирован** за то, что на нем якобы содержались незаконные призывы.

Следующая волна протестов — а вместе с ней и волна блокировок по политическим мотивам — наступила в апреле 2021 года:

- **31 марта** Алексей Навальный объявил в колонии голодовку, требуя оказания медицинской помощи;
- **16 апреля** московская прокуратура **направила** в суд иск с требованием признать экстремистскими организациями Фонд борьбы с коррупцией и штабы Алексея Навального;
- **18 апреля** команда Навального анонсировала митинги с требованием допустить врачей к оппозиционеру, ситуация со здоровьем которого, по словам врачей, становилась критической;
- **19 апреля** Генпрокуратура **опубликовала** предостережение о недопустимости призывов к участию в несогласованных акциях со ссылкой на статью 20.2 КоАП о нарушении порядка проведения публичных мероприятий;
- **19 апреля** Роскомнадзор **потребовал** от видеохостинга YouTube заблокировать видео команды Навального «Финальная битва между добром и нейтралитетом», в котором анонсировались акции. После этого пресс-секретаря Навального Киру Ярмыш **арестовали** на 10 суток за «организацию» несогласованного митинга путем призывов в интернете. К тому моменту Ярмыш уже два с половиной месяца находилась под домашним арестом по **«санитарному делу»** и не могла пользоваться интернетом;
- **21 апреля** **прошли** протестные акции.

Борьба Роскомнадзора с видеохостингом YouTube — главной медиа-площадкой команды Навального — продолжалась весь 2021 год. Так, в июле РКН **потребовал** удалить каналы соратников оппозиционного политика Леонида Волкова, Владимира Милова, Георгия Албурова и Вячеслава Гимади. В уведомлении содержалась угроза: по словам РКН, если они не удалят содержимое каналов,

«компания Google может быть вынуждена заблокировать контент». Требование исходило от Генпрокуратуры, которая обнаружила в видеоматериалах сразу несколько видов «запрещенной информации», описанной в статье 15.3 закона «Об информации».

«ВКонтакте» **был оштрафован** дважды, суммарно на 3 млн рублей, в том числе, за ссылки на Youtube. Компании Google, Facebook и Twitter **получили** от Роскомнадзора в общей сложности 16 протоколов, связанных с отказом удалить запрещенный в России контент и штрафы на десятки миллионов рублей — в том числе, речь и о призывах выходить на «несанкционированные митинги».

Кроме соцсетей, из-за блокировок, связанных с «призывами», пострадали и отдельные сайты и проекты:

- Студенческий журнал DOXA под угрозой блокировки **удалил** свое видеообращение с призывом не бояться отчисления из вуза за участие в митинге: Роскомнадзор счел, что видео содержит «склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и здоровья» и внес его в реестр запрещенной информации. Несмотря на то, что редакция удалила ролик, позже **было возбуждено** уголовное дело.
- После выборов в сентябре КПРФ под угрозой блокировки **удалила** с сайта анонс встречи с депутатами на Пушкинской площади.
- Среди **оснований для блокировки сайта «ОВД-Инфо»** также был материал о протестах в поддержку Навального.

Таким образом, можно сделать вывод, что еще до войны в Украине российское законодательство не являлось достаточно качественным, а правоприменение зачастую

было произвольным и непропорциональным, что, конечно же, не соответствовало международным стандартам в сфере свободы собраний.

Спецдокладчики ООН по свободе собраний и свободе выражения мнений также просили в своей коммуникации российским властям после зимних протестов 2021 года объяснить, насколько ограничения интернета и блокировки были необходимыми, соразмерными и соответствовали международно-правовым обязательствам России. Однако ситуация с блокировками контента, связанного с мирными собраниями, не улучшилась — и даже наоборот.

После начала войны с введением в КоАП статьи 20.3.3, а в УК РФ статьи 207.3 практика привлечения к ответственности за публикации о собраниях только усугубилась. Теперь авторы привлекают к ответственности не только за «организацию» митингов, но и за «дискредитацию Вооруженных сил РФ». Нам известно как минимум о 22 обвинительных постановлениях за такие публикации.

Постановления были вынесены из-за размещения людьми на своих страницах в социальных сетях видеозаписей, постов и репостов с призывами участвовать в антивоенных собраниях. Так, Советский районный суд г. Воронежа посчитал, что в результате таких публикаций «могло быть подорвано доверие к проведению специальной военной операции». Роскомнадзор также сообщил о блокировке свыше 38 тысяч сообщений с призывами к протестам против войны в Украине. Важно подчеркнуть, что люди часто удаляют такие посты самостоятельно, в рамках самоцензуры — не дожидаясь реакции Роскомнадзора.

Ещё раз подчеркнём, что в соответствии с международными стандартами в области свободы собраний законодательство и политика государства

должны обеспечивать возможность безбарьерного использования интернета — особенно социальных сетей — для подготовки и организации мирных собраний. Однако законодательство и практика Российской Федерации бесконечно далеки от соответствия этим стандартам.

БЛОКИРОВКИ С НАРУШЕНИЕМ РОССИЙСКИХ ЗАКОНОВ

Существующие российские законы, даже те, которые, согласно решениям ЕСПЧ, не соответствуют международным нормам и нарушают право на свободу выражения мнения, право на свободу собраний и на правовую защиту, часто нарушаются во время блокировок интернет-ресурсов в России.

«Правоприменение у нас сильно отличается от того, что может быть обозначено в законе, — говорит Артем Козлюк, — И различные надзорные ведомства трактуют по-своему нормы, которые сами по себе вызывают множество вопросов. Абсурд наслаивается на абсурд».

Во внесудебных («генпрокурорских») блокировках, по его наблюдениям, нормы закона нарушаются чаще.

Роскомнадзор может внести ресурс в Единый реестр по требованию Генпрокуратуры, которое было отправлено год назад — что не соответствует закону «Об информации». В первые дни войны, согласно [исследованию](#) «Роскомсвободы», многие медиа попадали в Реестр дважды — на основании разных решений Генпрокуратуры.

Кроме того, решения о блокировке чаще всего выносятся без приглашения владельцев сайта или администраторов, как правило, с комментарием о том, что блокировка «не затрагивает их права». Юристы «Роскомсвободы» получили разъяснение Верховного суда о том, что при принятии решения о блокировке сайта суд должен

приглашать владельцев сайта на процесс, то есть, обеспечить равенство сторон. До начала войны, по словам Артема Козлюка, у адвокатов, которые знали об этом разъяснении, были все шансы вернуть дело на пересмотр решения судов низшей инстанции. После 24 февраля дела о блокировках стали массовыми и на момент написания доклада новая практика еще не сложилась.

ОВД-ИНФО

Одним из ярких примеров ситуации, описанной в предыдущем параграфе, была блокировка сайта ОВД-Инфо 25 декабря 2021 на основании решения Луховицкого районного суда Московской области по статье 15.1 Закона «Об информации» (149-ФЗ).

13 декабря 2021 на электронный адрес проекта пришло уведомление из прокуратуры города Луховицы с требованием явиться на следующий день, 14 декабря. Адвокат ОВД-Инфо Анастасия Саморукова успела добраться до Луховицкой прокуратуры в указанный срок, однако ей **отказали** в ознакомлении с материалами дела. На следующий день прокуратура обратилась суд.

В судебном решении, **опубликованном** на сайте суда 31 декабря, сказано, что *«представитель заинтересованного лица, извещен надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дела, в суд не явился»*, а также, что *«лица, подлежащие привлечению к участию в деле в качестве ответчиков, не установлены, сведений об их наименовании и месте нахождения в суд представлено не было, однако известно, что имеется IP-адрес»*. Отдельно упомянуто, что IP-адрес *«находится в Сан-Франциско США»*. При этом, в решении суда есть упоминание о том, что ОВД-Инфо включен в **реестр иноагентов** (в котором указаны фамилии сооснователей проекта).

Опубликованное судебное решение не дает ясного понимания причин блокировки сайта. В нем перечисляется пять материалов, в том числе, за 2018 год, однако блокировке подлежат не отдельные страницы, а весь сайт, что не соответствует нормам закона «Об информации». Проект «Роскомсвобода», проанализировав технологию блокировки, **приходит к выводу**, что *«поскольку при заходе на сайт не появляется заглушки, блокировка может касаться какой-то отдельной или нескольких ссылок, а не самого сайта, и ограничение доступа происходит по HTTPS»*.

В решении упоминается АНО Центр содействия развитию гуманитарных экспертиз «Независимый эксперт». Согласно проведенному Центром «комплексному психолого-лингвистическому исследованию», в материалах сайта ОВД-Инфо содержится оправдание терроризма и экстремизма, а также *«убеждение потенциальных адресатов в необходимости участвовать в несогласованных акциях протеста, а также нарушать действующее законодательство и игнорировать законные требования сотрудников правоохранительных органов и иных представителей власти»*.

Прокурор, присутствующий на заседании суда, дополнил письменные требования прокуратуры выводами *«о систематическом размещении на Интернет-сайте медиапроекта „ОВД-Инфо“ в социальных сетях информации, направленной на оправдание деятельности экстремистских и террористических объединений, материалов оправдывающих действия участников подобных организаций, а также информации формирующей у неопределенного круга пользователей сети „Интернет“ мотивации и готовности к участию в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка»*. И в целом пришел к заключению, что деятельность ОВД-Инфо направлена

на «пропаганду терроризма и экстремизма на территории Российской Федерации».

В соответствии с требованиями прокуратуры Луховицкий суд приходит к выводу, что *«содержание [материалов сайта] способно сформировать у значительной части аудитории представление о допустимости совершения преступлений, в том числе террористической направленности, представление о возможности получения общественной поддержки и одобрения, а также статуса «политического заключенного»»*. В конце этого документа, перед формулой судебного решения («признать информацию... запрещенной к распространению на территории Российской Федерации») приводится его общая мотивировка, достойная отдельного упоминания: *«Обеспечение свободного доступа к информации способствует формированию в обществе мнения о возможности безнаказанного совершения преступлений и административных правонарушений, подрывает авторитет государственной власти Российской Федерации и действующего законодательства»*.

По опубликованному решению суда очевидно, что оно основано не на признании каких-либо конкретных материалов запрещенными, а на предположении, что материалы сайта ОВД-Инфо могут сформировать представление о «допустимости преступлений».

На основе этого вывода было решено заблокировать не отдельные страницы, а все интернет-ресурсы ОВД-Инфо. «Яндекс» удалил ссылку на сайт ОВД-Инфо из поисковой выдачи, а вскоре поступило требование заблокировать аккаунты проекта в социальных сетях.

.

Международные НКО, в том числе, [Human Rights Watch](#), [Amnesty International](#), [Civil Rights Defenders](#), [Reporters Without Borders](#), [Accessnow](#), [CIVICUS](#), [Article 19](#) осудили блокировку сайта проекта. Европейский союз также

критиковал это решение. Со стороны Совета по правам человека был отправлен запрос, в **ответ** на который Российская Федерация просто пересказала историю блокировки сайта и указала, что доступ ограничен на основании статьи 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», отметив, что уведомления о блокировке и судебном заседании были надлежащими.

Также международные организации высказались о давлении на негосударственные СМИ, освещающие войну в Украине. Директор Amnesty International по Восточной Европе и Центральной Азии Мари Стразерс **заявила**, что *«после того, как российские танки вошли в Украину, власти перешли к стратегии выжженной земли, которая превратила российский медиа-ландшафт в пустошь»*. Стоит упомянуть, что 11 мая русскоязычный сайт Amnesty International (eurasia.amnesty.org) был заблокирован Роскомнадзором. С подобными заявлениями также выступили **CIVICUS, HRW, Article 19, Human Rights Defenders, Access Now, Национальный фонд в поддержку демократии** и другие некоммерческие организации.

Организация «Репортеры без границ» **призвала** Meta (Facebook и Instagram), Google (YouTube), Twitter и Telegram не выполнять драконовское требование Роскомнадзора об удалении учетных записей веб-сайта ОВД-Инфо. Кроме того, «Репортеры без границ», используя технологию зеркального сайта «Залог свободы», создали точную копию сайта «Медузы» и **предложили** всем независимым СМИ, заблокированным российской цензурой, связаться с ними, чтобы открыть «зеркала» на надежных сетях доставки контента (CDN или Content Delivery Network — географически распределённая сетевая инфраструктура, которую трудно заблокировать).

Многие международные объединения журналистов также выразили своё недовольство давлением на независимые СМИ: глобальная сеть Международного института **прессы**, генеральный **секретарь** Международной Федерации Журналистов Энтони Белланжер, Комитет по защите **журналистов** опубликовали выступления против попытки российских властей подвергнуть цензуре независимые СМИ, освещающие вторжение в Украину.

Несмотря на многочисленные призывы со стороны международного сообщества уважать и защищать право людей в России свободно получать и распространять информацию и выражать различные или критические взгляды, контроль над независимыми журналистами и свободой слова (в том числе путем блокировок) в России только ужесточается. В целом, какой-либо реакции со стороны российских властей добиться не удалось.

ФИНАНСОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БЛОКИРОВОК ДЛЯ НЕЗАВИСИМЫХ ПРОЕКТОВ

Блокировки пугают доноров

Независимо от формальной причины блокировки, частные доноры видят риски для себя и перестают поддерживать независимые проекты. Иногда, видя, что сайт не открывается, они просто решают, что проект закрылся. На отток пожертвований, в первую очередь, повлияли новости о преследованиях доноров **ФБК**, а также сливы баз данных их сторонников и угроза преследований жертвователей проектов и организаций, чья деятельность была **признана «нежелательной» на территории РФ** — сайты проектов и организаций, признанных «нежелательными», блокируются Роскомнадзором по требованию прокуратуры, а сами проекты

приостанавливают прием пожертвований, чтобы обезопасить доноров. Путаница из-за обилия статусов, которыми наделяют неудобные проекты, формальных причин блокировок, а также постоянные изменения и ужесточение законодательных актов ведет к тому, что сам факт блокировки сайта сильно бьет по жертвователям проектов.

Блокировка влияет и на сотрудничество НКО с бизнес-партнерами: совместные проекты или поддержка со стороны компаний в условиях блокировки или невозможны (вместе с основным сайтом блокируются поддомены спецпроектов), или сильно теряют в эффективности и аудитории. А сами компании стараются избегать лишних рисков от сотрудничества с такими проектами и медиа.

Отключается программное обеспечение для приема пожертвований

Блокировки сайтов приводят к отключению платежных сервисов, благодаря которым проекты принимают пожертвования с банковских карт. Для онлайн-проектов это основной способ приема донатов. В большинстве случаев это техническое ограничение — в правилах сервисов прописаны требования к сайту и в случае, если сайт не работает, сервис вправе прекратить обслуживание. Вот как выглядят эти правила, например, на сайте [YooMoney](#):

11.8. Сайт Контрагента должен соответствовать следующим требованиям:

11.8.1. Должен содержать следующую актуальную информацию: описание услуг Контрагента/каталог Товаров и их стоимость, условия, порядок, сроки, регионы доставки Товаров (оказания услуг, выполнения работ), условия и порядок возврата Товара, отказа от Товара

и возврата денежных средств, полное фирменное наименование, ИНН, юридический и фактический адреса, телефон и адрес электронной почты Контрагента, пользовательское соглашение, учитывающее требования пункта 2.15 Правил (если это применимо), положение о соблюдении конфиденциальности данных, получаемых от клиентов, обращение к клиентам о сохранении копий документов, подтверждающих оплату Товаров, обращение к клиентам о методах и средствах защиты их данных, ссылки на сайты производителей Товаров, условия о гарантиях, предоставляемых Контрагентом;

11.8.2. Все страницы, которые связаны с реализацией Товаров, должны находиться под единым доменным именем. При этом если Контрагент не является лицом, на которое зарегистрировано доменное имя используемого им сайта, он должен предоставить документы, подтверждающие правовые основания использования им соответствующего сайта;

11.8.3. Сайт должен поддерживаться в рабочем состоянии. Все внутренние ссылки сайта должны быть рабочими и адекватно обрабатываемыми;

11.8.4. Сайт не должен содержать информацию (текстовую, графическую или любого иного вида), распространение которой противоречит действующему законодательству или нормам морали и нравственности, а также ссылок на сайты, содержащие подобную информацию.

К такой информации относятся, например: пропаганда в любом виде насилия, наркотиков, терроризма, межнациональной розни, проституции и т. п.

Соответственно, при отключении сервисов перестают работать платежные формы и отключаются регулярные подписки на пожертвования.

На прием и обработку пожертвований влияют и сервисы обхода блокировок — во многих случаях донору, у которого включен VPN (а это зачастую единственный способ зайти на сайт заблокированного издания), не удастся завершить процесс пожертвования. Вот как **описывал** ситуацию 16 марта 2022 года проект «Медиазона», потерявший из-за блокировок многих доноров:

В той ситуации, в которой мы все оказались сегодня, при оформлении доната приходится учитывать целое множество факторов: в какой стране вы находитесь, пользуетесь ли VPN или нет, какой банк выпустил вашу карту, подпал ли он под санкции, у вас карточка MasterCard, Visa или что-то еще — все это может помешать переводу и для каждого случая сейчас мы пытаемся найти решение.

За последние несколько дней мы лишились огромного количества подписок. Из-за санкций и ухода из России крупнейших платежных систем больше половины регулярных платежей отменились, они уже никогда не заработают снова.

Санкции против финансовой и банковской системы в России

В условиях войны большинство независимых и правозащитных проектов в России оказались между двух огней: с одной стороны, они подвергаются давлению со стороны российского государства и сталкиваются с ограничениями внутри РФ, с другой, на них влияют санкции против России. Последние приводят, прежде всего, к техническим проблемам с приемом платежей (например, в результате отключения Apple Pay и Google Pay), а также к отключению сервисов, которые использовались для коммуникации с донорами (например, Mailchimp). Из-за этих ограничений некоторые сервисы

вынуждены были сильно сократить свое финансирование и перестраивать работу с приемом пожертвований в условиях войны.

- Apple и Google Pay: вместе с отключением их для карт российских банков отключаются и все регулярные подписки, оформленные ранее с помощью этих сервисов;
- Зарубежные сервисы (например, Stripe) прекратили обслуживать российские карты, и те проекты, которые пользовались этими сервисами, вынуждены были отказаться от пожертвований с российских карт. В частности, это **сделала** «Медуза»:

« ⚠️ ⚠️ ⚠️ Дорогие читатели! Мы были вынуждены отключить прием платежей из России. Надеемся, что это временная мера. Но нам по-прежнему можно перевести деньги из любой другой точки планеты. Пожалуйста, расскажите об этом своим друзьям и знакомым, живущим за границей. „Медузе“ нужна поддержка. Как никогда».

Российские сервисы прекратили работать с картами зарубежных банков — все подписки, оформленные на карты иностранных банков, отменились; это коснулось не только онлайн-проектов, но и в целом сферы благотворительности, которая **потеряла примерно половину пожертвований**.

- Международные краудфандинговые платформы (GlobalGiving и Venevity) приостановили выплаты проектам из России и Беларуси — прежде всего, из-за невозможности перевести деньги из зарубежного банка на российские счета организаций.

Ваша организация была временно деактивирована

Leonid,

Так как ситуация в Украине стремительно развивается, многие государства ввели санкции против России и Беларуси. Это ограничило наши возможности по выплате пожертвований и оказанию поддержки организациям в этих странах. По этой причине мы вынуждены принять очень непростое решение временно деактивировать МОО "Pravozaschitnyy centr "Memorial" на платформе Benevity.

Что изменится для вашей организации

В настоящее время ваша организация не отображается на платформе Benevity. Это означает, что она не будет принимать пожертвования, гранты и волонтерскую поддержку от клиентов Benevity до момента окончания деактивации.

Если в вашу организацию были совершены пожертвования в январе и феврале 2022 года, мы не сможем их выплатить, так как санкции вступили в силу до запланированной даты выплаты. Эти пожертвования будут возвращены благотворителям.

ПЕРСПЕКТИВЫ «СУВЕРЕННОГО РУНЕТА»

К концу февраля 2022 года траектория дальнейших ограничений свобод в российском сегменте интернета была более или менее ясна и большинство экспертов сходились в своих прогнозах.

Среди деятелей провластных структур продолжалось обсуждение новых форм цензуры, которые часто представлялись как результат общественного консенсуса. Так, например, предприниматель Игорь Ашманов **предлагал** создать еще один реестр «токсичного контента», к которому относится, в частности, «информация про насилие, опасность прививок, радикальный феминизм, отказ от рождения детей, поощрение ЛГБТ и зоофилии». Его поддержали сначала председатель Совета по правам человека Валерий Фадеев, а затем и Владимир Путин, который **поручил** своей администрации изучить идею Ашманова и «при

необходимости принять соответствующие меры поддержки». Проявляла активность и «Лига безопасного интернета», которая якобы **зафиксировала** «подготовку вмешательства в выборы» через скупку аккаунтов в соцсетях.

Основные инструменты и технологии «суверенного рунета» в целом уже сложились. И хотя еще не все они использовались на полную мощность, у экспертов появилось ощущение, что теперь можно заблокировать практически любую информацию. Специалисты, **опрошенные** проектом «Медиазона» в сентябре 2021 года, с удивлением фиксировали приближающуюся изоляцию. Вот как прокомментировал ситуацию директор «Общества защиты интернета» Михаил Климарев:

«Оказалось, что могут. Ну, то есть вот мы думали, что нет, а оказалось, что могут. В теории в интернете ничего заблокировать по определению нельзя, потому что это полносвязный граф, и если на пути этого графа стоят какие-то преграды, ты всегда сможешь найти обходные пути. Тем более при современном развитии криптографии. Разумеется, мы придумаем что-нибудь, что потом будет массово использоваться. Но на текущий момент получается, что Роскомнадзор может блокировать, в том числе и протоколы».

Существуют технические способы обойти блокировки, однако все они достаточно сложны, чтобы быть массово доступными. *«Не думаю, что кто-то будет бегать [за рядовыми пользователями] ради таких вещей»,* — говорит Климарев.

Эксперты круглого стола ОВД-Инфо высказывали чуть более оптимистичные взгляды. Так, например, Артем Козлюк («Роскомсвобода»), отмечая, что блокировки стали технически более эффективными, продуманными и «грамотными», все же приходил к выводу, что борьба еще не закончена: *«Все это можно делать на коротком*

промежутке времени. Долговременно заблокировать ресурс, если он сопротивляется, довольно сложно. Это всегда борьба технологий. И замаскировать свой трафик можно, чтобы обойти инструменты DPI, и придумать новые способы обхода, как это делает TOR, который стал раздавать информацию об активных узлах своим пользователям». Однако, как считает Козлюк, подобная борьба ведет к деградации интернета в России — к упадку связанных с ним бизнесов, замедлению каналов связи и монополизации рынка.

После 24 февраля блокировки стали тотальными. Новых инструментов и понятий не появилось, однако уже существующие стали использоваться с новой силой. Особенно это касается «фейка» как обоснования блокировки, которое раньше применялось в основном к информации о коронавирусе. Причем, в отношении «ложной информации» возникло устойчивое определение, впервые данное в пресс-релизе Роскомнадзора непосредственно 24 февраля: это любая информация, которая не подтверждается официальными источниками (органами власти и государственными СМИ).

Среди всех блокировок «прокурорские» — то есть, не требующие предварительного уведомления владельца сайта и, как правило, политически мотивированные — выросли почти вдвое по сравнению с тем же периодом 2021 года. Несмотря на готовность Роскомнадзора отрезать российский сегмент от глобальной сети, в довоенной ситуации оставались источники информации, не полностью контролируемые российскими властями — в частности, это касается таких IT-гигантов, как Google (и Youtube), Meta (Facebook, Instagram), Telegram и некоторых других. Однако после начала войны Meta была признана экстремистской организацией, а Google закрывает свой офис в России. По закону «о приземлении» это означает, что Роскомнадзор может его заблокировать. Пока этого не произошло, однако Дамир Гайнутдинов

считает, что это затишье временное: *«Прогнозы давать трудно, но мне кажется, что сейчас будут приниматься дальнейшие меры в отношении глобальных платформ, пока не до конца заблокированных. Большой вопрос с Telegram, который сейчас является основной медиа-площадкой, а также с Youtube»*. По его мнению, затишье может быть связано с тем, что государство само использует эти площадки для пропаганды, однако рано или поздно агрессивные угрозы депутатов в их адрес будут приведены в действие. О скором закрытии Youtube **говорит** и Артем Козлюк в интервью газете «Екатеринбург Онлайн»: *«Не только мы, многие предсказывали, что YouTube подвергнется блокировке — и что к нему придут последним. Потому что это видеохостинг, это социальный сервис, наиболее важный для россиян. В нём есть блогеры-миллионники, которые специализируются на самых разных вопросах. Тревел-блогеры, бьюти-блогеры, детский контент, развлекательный, образовательный — любой»*.

Технологии DPI, опробованные на Twitter, способны затормозить видеохостинг таким образом, что пользоваться им будет практически невозможно. При этом, Google и Youtube уже отключили Россию от своих платежных систем, поэтому блогеры-миллионники больше не могут пользоваться сервисом для заработка. Таким образом, технические средства изоляции рунета оказываются не так важны, как финансовые инструменты, отсутствие которых не дает развиваться российскому сегменту сети.

Одновременно растёт давление на пользователей со стороны государства. *«Мне кажется, что власти вернутся к механизму запугивания пользователей, — говорит Дамир Гайнутдинов, — Будут пытаться предотвратить распространение информации, работать с пропагандой, а не технически перекрывать доступ»*. Запугивание — такое, как наказание за «публичное

распространение заведомо ложной информации» об использовании армии РФ вплоть до 15 лет лишения свободы, а также резко выросшие размер и количество штрафов — приводит к тому, что многие СМИ приостанавливают деятельность или распускают редакции, а другие занимаются самоцензурой. По большому счету, санкции, из-за которых российские пользователи лишаются программного обеспечения и техники, а многие проекты — донорских денег, не ослабляют, а наоборот, усиливают позицию российских властей и, в частности, Роскомнадзора как главного органа онлайн-цензуры.

«Блокировки зависят не только от Роскомнадзора и законодателей, — говорит Артем Козлюк, — но и от технического прогресса и от реакции самого ресурса, а также от общественной реакции.

Консолидированность мнения, открытая позиция, общественная компания также могут повлиять на ситуацию с блокировками в России». Деятельность Генпрокуратуры и Роскомнадзора и до войны не вызывала массовой реакции в обществе — что и во многом помогло цензуре разрастись до текущих масштабов. После начала военных действий многие СМИ, а также отдельные активисты и правозащитники были вынуждены приостановить деятельность или переехать за пределы Российской Федерации.

При этом, значительно выросла статистика скачиваний VPN, а значит, заметная часть пользователей все же стремится получать независимую информацию. Однако трудность доступа, безусловно, сказывается на распространении альтернативной новостной картины. После начала войны блокировки стали одним из основных инструментов цензуры, так как они направлены, в первую очередь, на тех, кто не согласен с официальной позицией государства о войне в Украине. Наряду с административным и уголовным преследованием,

законами об «иностранных агентах» и «нежелательных организациях», блокировки работают на подавление инакомыслия. В этих условиях тем, кто готов оказывать информационное сопротивление, как никогда важна поддержка международного сообщества и крупных компаний, особенно в сфере IT: доступ к информации напрямую связан с доступом к технологиям и программному обеспечению, включая платежные системы.

РЕЗЮМЕ

Блокировки интернет-ресурсов как инструмент политической цензуры появились еще в 2012 году. Если вначале блокировки были возможны только по решению суда и им подвергались в основном сайты, содержащие опасную для детей информацию (порнография с участием несовершеннолетних, продажа наркотических средств, способы совершения суицида и т. п.), то в течение следующих десяти лет они приобрели отчетливый политический характер и стали направлены на ограничение гражданских прав и свобод — свободы выражения мнения, свободы собраний. Первые крупные всплески политической цензуры появились в 2014, и с тех пор инструментарий и масштаб только расширялся. При этом блокировки имеют серьезные последствия для организаций: финансовые, организационные, репутационные.

Во многом благодаря блокировкам в России существует систематическая цензура, наличие которой государственные органы отрицают, обвиняя в цензуре, наоборот, иностранные интернет-площадки, если они ограничивают доступ к аккаунтам официальных российских СМИ. Инфраструктура масштабной цензуры в интернете появилась благодаря новым технологиям и законодательству, а также давно существующей

риторике о «суверенном рунете», позволяющей протаскивать все новые инициативы.

На постепенном развитии законодательства о блокировках — от закона о «защите детей от информации» до «закона Лугового» и законов об «иностранных агентах/нежелательных организациях» — хорошо видна связь блокировок с другими видами притеснения свобод и желание властей контролировать потоки информации. Так, особенно часты блокировки и запросы на удаление информации, связанной с крупными оппозиционными организациями. К 2020 году в целом завершилось нормативное и технологическое обеспечение изоляции российского сегмента интернета.

Несмотря на международные стандарты в этой области, в России блокировки зачастую происходят с существенными нарушениями как международных, так и внутренних норм — некоторые медиа попадают в Единый реестр дважды, владельцев сайтов часто не уведомляют о блокировках, вместо отдельных страниц, содержащих запрещенную информацию, блокируются целые сайты или даже домены.

За последние годы благодаря государственным заказам создано большое количество специальных программ и систем, которые позволяют облегчить властям поиски и ограничение доступа к интернет-ресурсам — такие, как система «Ревизор», а также «технические средства противодействия угрозам» (ТСПУ), через которые проходит большинство трафика и которые позволяют замедлять и блокировать различные сайты, а также системы искусственного интеллекта и нейросети для автоматизации поиска запрещенного контента. Также недавно появилась техническая возможность блокировки VPN-сервисов.

Блокировки происходят и в ручном режиме — с помощью различных псевдо-общественных организаций, по инициативе различных ведомств. Массовые блокировки уже стали рутинной работой для государства, а точечные зависят от решений и мнений конкретных акторов. Примеры блокировок по «заказу сверху» — проекты Алексея Навального и проекты «Открытой России», сайты и аккаунты которых преследовали различными способами и по разным основаниям.

К моменту вторжения России в Украину все законодательные инструменты уже были разработаны и широко применялись, что позволило за несколько недель зачистить информационное поле, заблокировав все негосударственные общественно-политические ресурсы. Уже 24 февраля появилась новая формулировка, которая позволяет использовать законодательство о блокировках буквально для любого ресурса: с этого дня недостоверной считается любая информация, если она не подтверждается «официальными», государственными источниками. Причем блокируются не только русскоязычные СМИ, но и иностранные, и крупные медиа-платформы, в первую очередь социальные сети. С начала войны на таком медиаторе возросла и самоцензура — люди не выкладывают или удаляют антивоенные публикации, боясь административной и уголовной ответственности. Новое законодательство о внесудебных и зеркальных блокировках, уже принятое в первом чтении, даст властям еще больший инструментарий контроля и цензуры. Ситуация практически никак не освещается, данные о блокировках собирают лишь немногие активисты. После начала войны им все сложнее получить помощь международного сообщества, а рядовым пользователям из России — доступ к технологическим ресурсам, которые позволяют обойти ограничения.

Ещё почитать

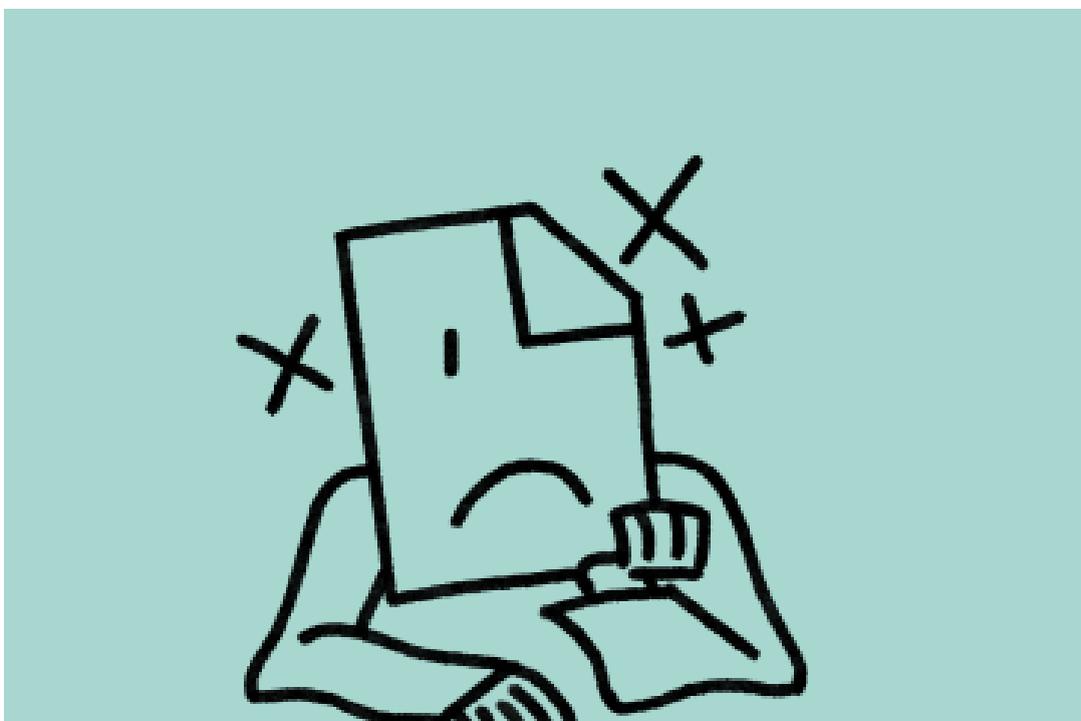
Что такое «оправдание терроризма» и как за него преследуют?

В рейтинге уголовных статей, по которым россиян преследуют за высказывания, первую строчку уже второй год статья о публичных призывах, оправдании или пропаганде терроризма...

Требуем запретить «карусельные» аресты

В октябре 2025 года суд в Петербурге отправил под административный арест участников группы «Стоптайм»: вокалистку Диану Логинову (Наоко), барабанщика Владислава Леонтьева и гитариста...

Интернет-цензура и блокировка контента российскими регуляторами

79 новостей и текстов по теме